

НИКА ЛУНАРА

A romantic couple is shown on a beach at night. The man, with dark hair and a beard, is leaning over the woman, who is lying on the sand. They are looking at each other intimately. The man has a large tattoo on his left arm. The woman has long dark hair. The background shows the ocean with waves and some distant lights.

ДРОЖИ ОТ
МЕНЯ
Глубже вдоха
Часть 1

18+

Плен иллюзий

Ника Лунара

Дрожи от меня. Глубже вдоха

«Автор»

2026

Лунара Н.

Дрожи от меня. Глубже вдоха / Н. Лунара — «Автор»,
2026 — (Плен иллюзий)

Первая часть дилогии. Один его взгляд лишает воздуха. Одно прикосновение, и я забываю, как меня зовут. Ярослав — парень, который не привык слышать «нет». Он ворвался в мою тихую жизнь, превратив её в полигон для своих опасных игр. Он видит мой страх, он чувствует мою дрожь и... он наслаждается этим. Я должна его ненавидеть. Я должна бежать. Но когда его пальцы касаются моей кожи, я понимаю: бежать некуда. Он уже под кожей, он уже во мне.

Содержание

ВНИМАНИЕ: ОТ АВТОРА	5
Пролог.	6
Глава 1.	8
Глава 2.	14
Глава 3.	19
Глава 4.	24
Глава 5.	30
Глава 6.	35
Глава 7.	44
Глава 8.	52
Глава 9.	57
Глава 10.	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Ника Лунара

Дрожи от меня. Глубже вдоха

ВНИМАНИЕ: ОТ АВТОРА

Добро пожаловать в мир, где цена безопасности — твоя свобода.

Прежде чем вы перевернете первую страницу, я хочу предупредить: эта история — мой манифест о тех чувствах, которые не спасают, а сжигают. Автор не идеализирует своих героев. Здесь нет «прекрасных принцев», есть только мужчины, привыкшие брать свое, и девушка, чей мир рухнул в одночасье.

В тексте вы столкнетесь с изнанкой обладания: сценами психологического давления, манипуляций и решений, принятых на грани отчаяния. Это история о том, как хрупкость сталкивается с первобытной силой, а нежность пробивается сквозь броню вопреки здравому смыслу.

Здесь нет места наивности. Есть только выбор: остаться верной прошлому, которое разбито вдребезги, или довериться тому, кто обещает спасение, превращая твою жизнь в золотую клетку. Пожалуйста, помните: грань между защитой и захватом здесь тонка как волос. Если вы не готовы к погружению в серую зону морали и к историям, где любовь граничит с одержимостью, — возможно, эта дорога не для вас.

Строго 18+

Послесловие:

Мы начинаем этот путь на предельной скорости, и я надеюсь, что вы прочувствуете каждый излом этой истории. Эта книга — не просто буквы, это исследование того, как далеко может зайти человек в желании присвоить чужую душу.

Я буду искренне признательна за ваши мысли в комментариях. Где для вас проходит черта дозволенного? Можно ли простить ложь, если она сказана ради чужого спокойствия? Мне важно знать, как вы воспринимаете этот мир теней и что заставляет вас сомневаться в выборе героев.

Впереди нас ждет время непростых решений и горькой правды. Спасибо, что решили разделить этот путь со мной. Давайте обсудим всё, что осталось между строк, — я жду вашего мнения с первых глав.

Чувствуйте. Сомневайтесь. Дрожите.

Пролог.

Перрон станции Верхнебор — это три потрёпанные скамейки, вьёвшийся в дерево запах мазута и единственный фонарь, который мигал в такт моему сердцебиению. Ветер тянул холодом со стороны тайги, я плотнее укуталась в кофту, чувствуя, как внутри всё сжимается от тихой грусти предстоящей разлуки.

Дима держал меня за руку. Его ладонь тёплая, чуть влажная, такая родная, что я знала каждый изгиб его пальцев, каждую мозоль. Он уезжал в Невск, в свой Политех, и для нашего маленького мира это событие казалось едва ли не концом эпохи. Мы были вместе два года, хотя, по правде сказать, знала я его с тех самых пор, как научилась различать лица соседей в нашей деревне. Мы были как части одного целого, как два дерева, выросшие из одного корня.

— Ну всё, мелкая, — он улыбнулся своей обезоруживающей, мальчишеской улыбкой. — Не кисни. Я же почти рядом. Поезд идёт всего четыре часа. Каждые выходные буду приезжать. Обещаю, не брошу.

Я кивнула, глотая горький ком в горле. Слезы я научилась прятать ещё в детстве. Мама всегда повторяла, что сдержанность украшает девушку, и я послушно следовала этому правилу все свои восемнадцать лет.

Я смотрела на Диму: растрёпанные русые волосы, куртка, которая стала ему тесновата в плечах за это лето. Он был всего на четыре месяца старше меня, но выглядел на удивление взрослее. Его выдавали глаза, в них уже не было той пацанской беззаботности, с которой мы когда-то лазили по чужим огородам. Но сейчас он смотрел на меня с такой честной, привычной нежностью, что мне становилось почти стыдно за свои путаные, колючие мысли.

С Димой было спокойно. Глядя на него, я слишком ясно видела нашу жизнь на годы вперёд, как прямую, ровную дорогу без единого поворота. Я видела нас через месяц, через год, через десятилетие: всё так же правильно, всё так же тихо.

В моей семье любовь считалась чем-то вроде фундамента: она должна быть крепкой, основательной и неброской. С Димой всё было именно так: спокойно, надёжно. Без того электрического тока, о котором я тайком читала в любовных романах с кричащими обложками и пометкой «18+», пряча их под подушкой от строгих родителей. С Димой моё дыхание не сбивалось никогда. Это была тихая гавань, в которой мне было уютно молчать. И я искренне верила, что это и есть настоящая любовь: надёжная, как каменная кладка дома, который не снесёт никаким ветром.

Тяжёлый состав подполз к платформе, вгрызаясь в рельсы с оглушительным скрежетом. Вагоны выдохнули пар, перемешав его с запахом нагретого металла и застоявшегося вокзального воздуха.

Дима притянул меня к себе. Обнял крепко, но осторожно, словно я была хрупкой фарфоровой фигуркой. Поцеловал в висок, а затем привычно коснулся моих губ. В этом жесте было столько тепла и глубокой привязанности, что внутри разлилось умиротворение. То самое «мы», в котором было так безопасно.

— Напиши, как доедешь, — прошептала я.

Он легко запрыгнул в вагон. Поезд тронулся. Сначала лениво, с натугой, а потом всё быстрее, унося мой понятный мир. Фонарь над головой мигнул в последний раз и окончательно погас. Я осталась одна на пустой платформе. Достала телефон, открыла наше общее фото: мы на скамейке у реки, улыбаемся. Всё до невозможности правильно. Идеальная пара — так говорили все вокруг, и я привыкла верить. Я сама выстроила этот образ в своей голове по кирпичику, чтобы за этой красивой стеной не чувствовать пустоты.

«Люблю тебя», — отправила я сообщение вслед уходящему составу.

В ответ пришло: скромное сердечко и сухое «Я тоже. Всё будет хорошо, мелкая».

Я выключила экран и побрела к выходу, стараясь не слушать гул рельсов.

Впереди меня ждал мой университет и чужой город. На горизонте маячило что-то новое, неизведанное, и это предвкушение должно было дарить крылья... Но глубоко внутри ничего не менялось. Там, за глухими воротниками моих блузок, всё так же застыло неподвижное озеро моей души. Я прилежно прятала его от посторонних глаз, боясь признаться даже себе: снаружи оно казалось безмятежным, но меня пугала его немая глубина. Под этой сонной водой жила другая я. Та, что тайно зачитывалась романами и до дрожи хотела узнать, каково это по-настоящему таять в чьих-то руках, теряя волю и разум?

Моё озеро ждало своего шторма, а я продолжала играть роль правильной девочки в скучной, заранее расписанной пьесе.

Я тогда ещё не знала, что через неделю эта тишина треснет, как тонкий лёд под ногами. Что в моей жизни появится человек, рядом с которым не будет ни покоя, ни правильных слов, ни уверенности в завтрашнем дне. Только дрожь. И я не смогу от неё отказаться.

Но пока был только ледяной ветер, пробирающий до костей, и дорога в неизвестность. Я ещё не понимала, что иду навстречу миру, который не спросит разрешения, чтобы сломать тебя или выжечь дотла всё то, что я так долго и старательно в себе берегла.

Глава 1.

Зина.

Утро в Верхнеборе начиналось одинаково: приглушённые шаги соседей сверху, отдающиеся в потолке, и запах сырой земли из приоткрытой форточки.

Я вышла из своей маленькой спальни, осторожно ступая босыми ногами по холодному полу. Половицы привычно прогнулись под весом, отозвавшись знакомым скрипом. Этот звук всегда был как сигнал: ты дома, всё по правилам, всё на месте.

Наша квартира на первом этаже двухэтажного кирпичного дома была тесной, но до боли уютной. Здесь пахло мамиными оладьями и старой кладкой, в которую, казалось, впитались десятилетия тихой и размеренной жизни.

На кухне мама уже стояла у плиты.

— Зин, давай быстрее, автобус ждать не будет.

— Успею, мам, — я поправила воротник блузки.

Одежда была как броня. Юбка-миди, закрытые туфли, ни грамма косметики. Всё правильно, всё как надо.

Папа сидел за столом с газетой. Он коротко кивнул мне, не отрываясь от чтения. В нашем доме это заменяло долгие приветствия. У нас не было принято громко говорить о чувствах или тратить слова на нежность. Любовь здесь измерялась не признаниями, а тихим, надёжным присутствием друг друга.

Старый дом жил своей неспешной жизнью: за стеной кто-то негромко выяснял отношения, на лестнице хлопала дверь. Эти звуки не тревожили, они были знакомы до последней интонации. В этом и заключалось наше счастье — в абсолютной, незыблемой предсказуемости каждого дня.

Дорога до города заняла полтора часа. Старый автобус мотало на кочках, и я, уткнувшись лбом в холодное стекло, наблюдала, как мимо пролетает тайга, редкие деревеньки и бесконечная серая лента асфальта.

Я открыла чат с Димой: «Уже выехала». Ответ пришёл быстро: «Скучаю. Удачи там, мелкая». Я улыбнулась. Это сообщение было моим личным якорем в океане неизвестности. С Димой всё было до одури понятно, и в этой предсказуемости я находила свое спасение.

Но когда автобус выплюнул меня на автовокзале, это чувство исчезло. Город ударил шумом. Северск гудел, как перегретый мотор. Я бывала здесь раньше: папа привозил нас на своей выдавшей вида «семёрке» за школьными покупками или на редкие прогулки в парк, иногда мы тряслись в душном автобусе или стучали зубами в холодной электричке. Но те выезды были как экскурсия в зоопарк. Я знала, что к вечеру вернусь в свой тихий Верхнебор, в свою кирпичную клетку.

Сейчас всё было иначе. Я была здесь одна.

Город казался мне огромным, равнодушным и пугающе диковинным. Высотки давили на плечи, закрывая небо полосками серого смога, а бесконечные потоки машин, казалось, никогда не останавливались, сливаясь в одну сплошную, рычащую ленту. Люди вокруг куда-то неслись, сталкивались плечами, перекрикивали друг друга, и в этом хаосе я чувствовала себя маленькой песчинкой, которую вот-вот раздавит стальной подошвой мегаполис.

Кампус оказался огромным. Люди двигались быстро, уверенно, не замечая меня.

Когда я вошла в холл главного корпуса, меня накрыло с головой. Огромные окна, высокие потолки, гул сотен голосов, отражающийся от полированного пола: всё это вбивало в меня осознание, что я здесь чужая. Слишком острая, непривычная жизнь. Мне на секунду захоте-

лось развернуться, выбежать обратно на улицу, найти ту самую остановку и уехать туда, где всё пахнет мамиными оладьями и где каждый скрип половиц мне знаком.

Но я стояла, крепко сжимая лямку своей сумки, и чувствовала, как город медленно, но верно втягивает меня в свою воронку.

Вокруг было слишком много... яркости: девчонки в коротких юбках, с безупречным макияжем, смеющиеся, шумные, уверенные в себе. На их фоне я чувствовала себя серой мышью, сбежавшей из другого столетия. Моя строгая юбка-миди и блузка, застегнутая на все пуговицы, которые дома казались образцом скромности, здесь вдруг превратились в унылый, пыльный чехол.

— Привет! Ты с первого потока? — ко мне подбежала девчонка с ослепительной улыбкой.

В ней было столько неуёмной энергии, что я невольно замерла. Позже я узнала, что эту бойкую девушку с волосами цвета мокрого песка звали Маша. Она была в короткой джинсовке, накинутой прямо на топ. Рядом с ней стояла Лена. Она была полной противоположностью своей подруги: безупречно выглаженная белая рубашка с расстёгнутой верхней пуговицей и тонкая золотая цепочка на шее. Она не кричала о своей уверенности, она её излучала. Чуть в стороне стоял Андрей. Высокий, в простом худи с закатанными рукавами, он рассматривал меня с тем самым добродушным любопытством, которое сразу располагает к себе.

— Да, — кивнула я, стараясь натянуть на лицо уверенную маску.

— О, классно! Мы тоже. Пойдём, нас уже куратор ждёт, — Андрей подмигнул мне, и я почувствовала облегчение. В его открытом взгляде и легкой манере держаться было что-то до боли знакомое. Он был похож на Диму: такой же простой, весёлый и понятный.

День пролетел в тумане из поточных лекций, расписаний и чужих лиц. Я улыбалась, кивала, отвечала. Делала всё правильно. Но внутри крепло странное чувство: моя маска сидела слишком плотно, мешая дышать. Казалось, будто я случайный прохожий, которого затянули в кадры чужого фильма, и теперь я обязана отыграть свою роль безупречно до самого конца.

Вечером, сидя в полупустом автобусе, везущем меня обратно в Верхнебор, я смотрела на своё отражение в тёмном стекле. Лицо казалось бледным, глаза уставшими.

«Всё ок, устала», — напечатала я Диме.

«Завтра легче будет, не переживай», — пришел от него ответ.

Я прикрыла глаза, пытаюсь уснуть под мерный гул мотора. В голове крутились обрывки дня: шумные коридоры, преподаватели, чужой смех... И где-то на задворках сознания, едва уловимым, но настойчивым шепотком, возникло беспокойство.

Я всегда знала, чего хочу: семья, спокойствие, Дима. Так почему сегодня, глядя на то, как девчонки в универе легко смеются, живут на полную катушку и не боятся быть шумными, я почувствовала... зависть?

Глухую, колючую зависть, от которой стало тесно в груди. Мне вдруг подумалось: а что, если моя «правильность» — это не выбор, а привычка? Клетка, которую я сама себе построила, или в которую меня с детства загоняли родители, заботливо подпиливая крылья, чтобы я не дай Бог не улетела куда-то не туда?

Через пару дней кампус перестал казаться таким уж пугающим. Я уже не вжимала голову в плечи, проходя мимо курилки у входа, где студенты чуть постарше обсуждали предстоящие вечеринки и преподавателей.

В аудитории ко мне снова подсели девчонки.

— Зи, у тебя такой свитер классный, — Маша, крутящая в руках айфон, с интересом разглядывала мою закрытую блузку. — Где брала? Винтаж?

— Нет, просто... классика, — я смущённо поправила манжеты. — Мама купила в универмаге «Звезда», у нас в Верхнеборе.

Лена прыснула, прикрыв рот ладонью, но тут же мягко подмигнула мне:

— Не парься, тебе идёт. С твоей-то кожей и чёрными волосами ты как Белоснежка среди нас, раскрашенных матрёшек.

Андрей, тот самый парень, который казался мне безопасным «вторым Димой», улыбнулся, откидываясь на спинку стула. У него были светлые глаза и веснушки на носу, что делало его вид почти детским.

Уже после пары, когда мы гурьбой вывалились в коридор, он притормозил рядом со мной и с азартом хлопнул по своему рюкзаку:

— Зин, погнали сегодня в кофейню? Отметим, что выжили на первой лекции по истории литературы, а то я чуть не заснул под монотонный бубнёж профессора.

Я на секунду замаялась, чувствуя привычный укол вины. В голове сразу всплыло расписание: автобус до Верхнебора, вечерний созвон, спокойный голос Димы, который будет спрашивать, как прошёл мой день.

— Не могу, — я покачала головой, чувствуя, как внутри всё сжимается от необходимости объясняться. — Мне на автобус. Меня... ну, дома ждут.

Андрей прищурился, окидывая меня внимательным, чуть насмешливым взглядом.

— Дома? Серьёзно? — он хмыкнул, перекинув сумку на другое плечо. — Ты прям как отличница из рекламы: дом, учёба, дом. Смотри, Зин, в универе жизнь штука скоростная. Один раз пропустил тусовку, второй, а потом оглянуться не успеешь, как все вокруг уже «свои», а ты так и останешься сторонним наблюдателем.

— Я не... — начала было я, но он перебил, не сводя с меня глаз:

— Да ладно, не оправдывайся. Я же вижу, что ты вся в себе. Но ты это... если надумаешь хоть раз не бежать сломя голову на свой автобус — маякни. Мы сегодня в «Кофе-брейк» завалимся, там будет весело. Неужели совсем не тянет хоть раз забить и просто потусоваться?

Я улыбнулась, но внутри снова неприятно кольнуло. В моем мире это слово значило совсем другое.

Весь мой «движ» ограничивался репетициями в школьном ансамбле, волонтерством в местном ДК и времяпрепровождение с Димой. Мы постоянно были вместе: тихие, добрые прогулки у реки, посиделки с ребятами на лавках до темноты, походы в кино на старые комедии... Это была хорошая жизнь, честная. Но она была... одинаковой. Предсказуемой, как расписание электричек. Мы годами обсуждали одно и то же: кто куда поступит, как обустроим дом, что в огороде посадим в этом году...

В столовой, стоя в очереди, я невольно сравнивала себя с остальными. Маша была в том самом топе, который казался мне неприлично открытым, а Лена даже в своих коротких шортах умудрялась выглядеть так, будто сошла с обложки дорогого журнала.

А я... я стояла в своей юбке-миди, с аккуратно заплетённой косой, и чувствовала себя персонажем из старого чёрно-белого кино, случайно попавшим на съёмки клипа модной группы.

— Эй, Зин, ты чего замерла? — Андрей легонько толкнул меня локтем. — Хватай эклеры, их тут все обожают. Говорят, повара за этот крем душу продали, честное слово.

Я взяла эклер, механически улыбнулась. Андрей был милым. Он помог донести поднос, шутил про препода, который читал лекцию с закрытыми глазами. Мне было с ним легко, но... странно. Это была та самая «безопасность», которую я так любила, но сегодня она вдруг показала мне какой-то пресной. Будто я ела еду, в которой забыли добавить соли.

— А старшекурсники-то где? — спросила я, оглядывая зал, чтобы сменить тему. — В универе так тихо для начала года.

— Ха, ты что, — усмехнулась Маша, откусывая сэндвич. — Ты не знала? У нас здесь «неделя тишины». Старшие подтягиваются только к следующему понедельнику. В общем, радуйся, пока у нас тут спокойно. Потом начнётся настоящий дурдом.

— Дурдом? — переспросила я, едва не поперхнувшись чаем.

— Хуже, Зин, — Маша подалась вперед, и в её глазах промелькнул недобрый азарт. — Сейчас тут безопасно, как в детском саду, а в понедельник вернутся «хозяева». Те, кто держит этот кампус за горло. Начнутся такие разборки за парковочные места и столы в кофейнях, что мало не покажется.

— Будет весело, — хмыкнул Андрей, но в его голосе не было прежней легкости. — Старшеки любят «строить» первошей. Не кулаками, конечно, а так... взглядом, словом, подставой на посвящении. Нас для них не существует. Мы — фон, массовка. Пока кто-то из них не решит, что ты отличная мишень для скучного вечера.

— О да, — подхватила Маша, облизывая палец от крема и многозначительно глядя на мою косу. — Шумные вечеринки до утра, музыка из тачек на всю парковку и их вечные «тёрки» за влияние. Настоящая мясорубка. Так что наслаждайся тишиной, Зин. Скоро здесь станет по-настоящему тесно.

Я кивнула, не придав их словам особого значения. «Мясорубка» меня не пугала, потому что не касалась. Меня интересовала учеба и Дима, который ждал меня как гарант стабильности.

Вечером, когда автобус наконец вырuling с автовокзала и начал пробираться сквозь бесконечные городские пробки, я прижалась лбом к стеклу. Дорога до остановки заняла добрых пятнадцать минут быстрым шагом, и теперь город, подсвеченный неонами и фарами машин, казался мне огромным, равнодушным зверем.

Когда автобус проезжал мимо студенческого квартала, я невольно повернула голову. Кампус остался далеко позади, погруженный в темноту, там уже закончились лекции, и всё вымерло. Но совсем рядом, в районе общежитий, жизнь только начиналась. Из распахнутых окон первых этажей доносилась музыка, на крылечках курили компании, кто-то громко смеялся, перекрикивая проезжающие машины. Там, в этих набитых людьми коробках, начиналась та самая «другая жизнь», о которой я только читала в романах.

Я достала телефон, чтобы спрятаться от этой картинки в привычном общении.

«Сегодня в группе было весело. Андрей смешной такой, напомнил тебя в школе», — напечатала я Диме. Ответ пришёл сразу: «Ты там с парнями не очень болтай, мелкая. Я ревную».

Я улыбнулась, и этот простой, почти детский ответ стал моим спасательным кругом. Это было так... по-нашему. Надёжно. Я сунула телефон в сумку, стараясь не смотреть на окна общаги, где горели огни чужой, непредсказуемой жизни.

Автобус подпрыгнул на очередной выбоине, встряхивая пассажиров. Внутри, в самой глубине груди, что-то едва заметно дёрнулось.

«Это просто усталость», — подумала я, закрывая глаза.

Неделя пролетела как в тумане. В Верхнеборе время тянулось медленно, словно густой кисель, а здесь, в городе, оно несло бешеным галопом. Каждое утро — подъём в пять, чтобы успеть на первый автобус. Каждый вечер — возвращение в наш тихий кирпичный дом, где мама с порога спрашивала: «Ну как, дочка? Не обижают?», а я честно отвечала: «Всё хорошо, мам. Очень интересно».

На самом деле «интересно» было лишь наполовину. А вторая половина была пропитана лишним чувством, что я стою на обочине и смотрю, как мимо меня проносится жизнь, к которой мне даже страшно прикоснуться.

В универе я всё чаще ловила себя на том, что перестаю кутаться в свой кардиган. Андрей стал моей тенью. Он всегда оказывался рядом в столовой, предлагал кофе, помогал с конспектами, когда я не успевала за лектором. Он был добрым, предсказуемым и невероятно уютным.

Иногда, когда шутил, я ловила себя на мысли: «Вот с кем здесь можно было бы дружить». Андрей был из «правильных»: спокойный, не курит, не хамит, держит дистанцию. Он был как Дима, только адаптированный под этот шумный, яркий мир. С ним я не чувствовала себя лишней. С ним было так же безопасно, как дома.

В среду мы с ним и девчонками зашли в парк недалеко от кампуса. Андрей купил мне мороженое, обычный пломбир в вафельном стаканчике.

— Знаешь, Зин, — сказал он, когда мы сели на скамейку, — ты какая-то нездешняя. Все вокруг бегут, суетятся, строят из себя невесть что, а ты... как будто из другого времени. Мне это нравится.

Я покраснела до корней волос. Кожа у меня была предательски чувствительной.

— Просто я из Верхнебора. У нас там... всё по-другому.

— «Старшаки» возвращаются с понедельника, — Маша бесцеремонно вклинилась в наш разговор, не отрываясь от экрана телефона. Она прищурилась, листая какой-то бесконечный чат, и её лицо осветилось холодным синим светом дисплея. — Так что наслаждайся своим пломбиром и тишиной, пока можешь. Скоро начнется настоящая зачистка.

Я замерла, так и не донеся мороженое до губ. Сладкий холод пломбира вдруг показался лишним.

— Зачистка? — переспросила я, чувствуя, как внутри всё неприятно сжалось от странного предчувствия. — О чем ты?

— О местной иерархии, Зиночка, — Маша наконец подняла на меня взгляд, и в нем не было тени шуток. — Придут те, кто реально держит этот универ за горло. Мне девчонки такие скрины кидали... Там до сих пор легенды ходят про прошлый год. Говорят, Яр тогда кровь всем пил: от первокурсников до самых заносчивых старшекурсников. Если попадешься ему под горячую руку, считай, семестр провален.

— Кто? — мой голос прозвучал тише, чем я рассчитывала.

— Ты вообще в беседы не заглядываешь? — Маша с удивлением посмотрела на меня, как на инопланетянина. — Ярослав Волков. Про него там каждый второй пост.

— Моя знакомая с третьего курса до сих пор заикается, когда его видит, — сообщила Ленка.

Андрей поморщился, словно у него внезапно разболелся зуб.

— Волков. Тот ещё тип. Он и его «свита» — прихвостни, которые за ним по пятам ходят. Любят молодых пугать, задирать, подставлять на парах перед преподами. У них развлечение такое: вычислять новеньких и доводить до слёз или отчисления.

— Зато какой он! — Маша наконец-то оторвалась от телефона и закатила глаза, прижав ладони к щекам. — Вы бы видели его фотки, которые девчонки в сторис выкладывают. Как он на байке к главному корпусу подлетает, как кожанку эту носит... Все девчонки в универе по нему сохнут, хотя и боятся до жути.

— Ну да, — буркнул Андрей. — Сохнут, пока он их не замечает. А если попадешь к нему в немилость, проходу не даст. Он просто сносит всё на своём пути. Ему плевать, кто ты, откуда, есть у тебя мозги или нет. Если ты ему не интересен или, не дай бог, начал его раздражать своим видом, жизнь станет адом. У меня кореш с архитектурного рассказывал, как они в прошлом году заперли одного первокурсника в подсобке на всю ночь. Тот к утру седым вышел.

Я невольно поёжилась, хотя в парке было тепло и ярко светило солнце.

— Звучит как описание маньяка, а не студента, — попыталась я отшутиться, но голос дрогнул.

— Хуже, — коротко ответил Андрей, глядя куда-то вдаль. — Он не маньяк. Он просто знает, что ему здесь всё позволено. У него связи, деньги, и ректор, кажется, сам его боится. Так что, если увидишь чёрную кожаную куртку и этот его взгляд «я тут хозяин», просто развора-

чивайся и иди в другую сторону. Не смотри в глаза, не спорь, не попадайся на пути. Просто исчезни.

Я рассмеялась, стараясь скрыть мелкую дрожь в пальцах, которыми сильнее сжала пластиковый стаканчик.

— Ладно, рыцарь, я поняла. Буду бегать от него по всему кампусу, как от чумы.

Тогда, сидя в университетском парке среди цветущих клумб, мне это казалось какой-то нелепой байкой. Ну что мог сделать какой-то легендарный парень такой, как я? Я ведь приехала сюда учиться, у меня есть Дима, у меня есть расписание автобусов, чёткие цели и выверенные планы на жизнь. Я правильная, я защищённая своей серой, неброской одеждой и своим бесконечным терпением.

Я была уверена, что Волков — это просто персонаж из страшилок, которыми старшекурсники пугают наивных «первашей».

К пятнице я почти поверила, что город меня принял. Я научилась пить кофе на ходу, купила себе более яркий шарф, и даже, о ужас, разрешила Андрею взять себя за руку, когда мы переходили дорогу.

В воскресенье вечером я долго сидела на скамейке возле дома. Воздух в Верхнеборе уже тянул настоящим холодом, в сумерках остро пахло прелой листвой и скорым дождем. Я проводила взглядом последние отблески заката и, пожившись, зашла в квартиру. Дома было тепло, пахло маминым пирогом. Я только успела скинуть куртку, как в кармане завибрировал телефон.

Дима позвонил ровно в шесть, как и обещал.

— Ну что, мелкая, готова к учебной неделе? — спросил он. Его голос звучал настолько привычно и буднично, что я невольно улыбнулась, чувствуя, как внутри отступает тревога, накопившаяся за неделю в городе.

— Да. Немного устала, но справляюсь. А ты? Как твои выходные в общаге?

— Да какой там отдых, — хмыкнул он в трубку. — Мы с парнями все выходные потратили на обустройство комнаты. Обои клеили, полку прибавляли, шкаф двигали, в общем, полный набор. Времени вообще ни на что не хватило, даже сгонять к тебе не вышло, как планировали.

— Ничего страшного, Дим. Учеба — это важно, — ответила я, стараясь, чтобы мой голос звучал ободряюще.

— Соскучился, сил нет, — продолжал он, не замечая едва уловимой нотки грусти в моих словах. — Честно. Но на следующие выходные сто процентов приеду. Без вариантов. Купим что-нибудь вкусное, посидим в парке на нашей лавочке, как раньше. Жди, ладно?

— Жду, — тихо ответила я.

Мы попрощались. Разговор оставил странное послевкусие: вроде бы всё как всегда, тепло и правильно, но внутри словно чего-то не хватало. Чтобы заглушить это чувство, я достала из-под матраса книгу, которую прятала от родителей.

В тусклом свете ночника буквы оживали. В этот раз сюжет был особенно острым: герой, чей темперамент напоминал пороховую бочку, прижимал девушку к стене, и в воздухе, казалось, искрило от одного их дыхания. Описания их страстных, почти яростных поцелуев заставили моё сердце биться чаще. Я читала, затаив дыхание, чувствуя, как по телу разливается непривычный, пугающий жар. Это было не похоже на те сухие, «безопасные» касания Димы, к которым я привыкла за два года.

Я отложила книгу, но образы из неё никак не отпустили. Закрыв глаза, я пыталась представить что-то подобное, но вместо Димы в воображении всплывал совсем другой образ: темный, резкий, пугающий. Я ворочалась в кровати, пытаюсь уснуть, но внутри всё дрожало от этой книжной страсти, смешанной с необъяснимым предчувствием чего-то неизбежного.

Глава 2.

Ярослав.

Город просыпался натужно, вяз в сером дерьме, но я ловил его ритм кожей. Моя «Ямаха» под седлом уже стонала, просила дать по газам, но толкаться в утренней пробке среди сонных коробок — та еще засада.

Универ — последнее место, куда мне реально хотелось завалиться. Сборище идиотов, которые думают, что если вызубрят учебник, то станут «кем-то». Для меня этот корпус был просто декорацией, ценой моего спокойствия. У бати на меня своя «карта»: диплом, кресло в офисе, стабильность. Пока я числюсь в списках, он закрывает глаза на мои заскоки. Думает, держит меня на коротком поводке, раз заправляет бак моего внедорожника. Но я не был бы Волковым, если бы прогнулся. Бабки его, конечно, жизнь упрощали, но мой гараж на окраине давал кое-что поважнее — право слать всех лесом.

Я не клянул у него на жизнь. Я её сам собирал по частям. В гараже был весь смысл: там я тюнингвал тачки стритрейсерам, перебирал движки байкам, которые завтра будут лететь на пределе. Иногда спускался в «подполье» — бои без правил в промзонах. За пару раундов там можно было поднять больше, чем офисный планктон зарабатывал за полгода. Там учили не теории, а тому, как не сдохнуть, когда в челюсть летит тяжелый кулак.

Меня спрашивали, как я всё успеваю. Секрет простой: я не спал. График на разрыв: ночные гонки по кольцевой, где адреналин перекрывал шум ветра; «смены» в гараже, пропахшие бензином и потом; шумные бары, где я куражил до рассвета, не зная меры ни в вискаре, ни в девчонках.

Кстати о девчонках. Постоянные пассии? Не, этот хомут на шею я не надену даже под дулом. Зачем эти сложности, если я могу выбрать любую, как в магазине? Сегодня мне хотелось холодную блондинку, пожалуйста. Завтра — дерзкую брюнетку с огнем в глазах или рыжую бестию с длинными ногами. Худенькую, полненькую, модельную или простую, выбор был за мной, и никто, чёрт возьми, не смел мне отказать. Зачем ограничивать себя одной, когда весь город мой личный шведский стол?

Мой доход от гаража и неформальных дел позволял посылать лесом любые советы отца о том, кем мне быть и как жить. Пока я приношу зачетку в срок, он не может сказать ни слова против моего образа жизни. Для него я примерный студент, для этого города — Волков, тот, с кем лучше не связываться, если не хочешь остаться без зубов.

Я влетел на парковку кампуса так, что охранник даже не вякнул. Заглушил мотор, тишина ударила по ушам. Стянул шлем, отбросил на руль, пригладил волосы. Лицо в мелких ссадинах после вчерашнего замеса, но я их не прятал — так, небрежный вид.

Первокурсники и ботаны расступались сами, на инстинктах. Они и не догадывались, что я только что отмыл мазут с рук, чтобы сейчас сесть на философию с рожей «сына богатого папочки». Для меня они все были просто фоном, тепличными растениями, не знающими, каково это выгрызть своё право на силу или по локоть в мазуте перебирать движок, пока остальные спят. Они привыкли просто плыть по течению, которое для них организовали взрослые.

В холле какой-то сопляк занял лавку, разложил свои бумажки.

— Эй, умник, — я сказал это тихо, но он замер, как кролик перед удавом. — Рюкзак убрал и сам за ним испарился.

Он что-то пролепетал, его глаза расширились. Через три секунды лавка была пуста. Скучно. Они все одинаковые.

Большая перемена. Столовая гудела, как растревоженный улей. Мы зашли втроём: я, Макс и Кирилл. Зашли не торопясь, с тем особым чувством, когда плевать, кто на тебя смотрит, потому что ты единственный, кто здесь действительно живёт.

Справа от меня шел Макс. Если я был чистой агрессией и скоростью, то Макс был льдом. Его называли «воскресшим» не просто так, ходили слухи, что в шестнадцать лет он попал в серьезный замес на дороге: машина в гармошку, а Макс собрал всё — тяжелое сотрясение, переломы рук, ног и треснувшие ребра. Врачи тогда говорили, что в рубашке родился: внутренности отбил, но чудом выжил.

Полгода в гипсе и на растяжках выжгли из него всю лишнюю суету. Вместо того чтобы сломаться, он стал только жестче, как закаленная сталь. Макс был мозгом нашей компании. Пока я перебирал движки в гараже и ввязывался в очередную драку, он просчитывал наши дела, вёл кассу и разруливал любые тёрки. Его даже преподавы побаивались: от его холодного взгляда люди затыкались быстрее, чем от удара. Макс никогда не орал и не лез на рожон, но одного его спокойного слова хватало, чтобы самый борзый противник резко передумал продолжать спор.

Слева, едва не задевая плечами дверной проем, вышагивал Кирилл. Наш лучший механик и по совместительству человек-таран. Кирюха тормозов не знал: если пить — то в хлам, если бить — то наповал. Его кулачищи со сбитыми костяшками в гараже творили чудеса, оживляя самый мертвый металл.

В учебе он был балластом, которого мы с Максом буквально за шкирку тащили через сессии, но в реальном мире Кирилл был незаменим. Он был самым легким на подъем в нашей троице. Пока другие прикидывали шансы, Кирюха уже шел вперед. Наглый, простой и надежный как чугунная гиря. Он никогда не искал повода сорваться, но в любой замес влетал первым, просто потому что не умел стоять в стороне.

— Гляньте на этих... «страдальцев», — Макс лениво кивнул в сторону очереди, где ботаны судорожно втыкали в свои записи. — У них на рожах написано: предел мечты — офисный стул и кофемашина в кредит.

Кирилл только глухо хмыкнул, намеренно задев плечом какого-то очкарика. Тот отлетел в сторону, даже не пискнув. Мы не искали рамсов, мы просто шли своей дорогой, а эта толпа расступалась сама собой. Инстинкт самосохранения еще никто не отменял.

Двери столовки хлопнули, и гул внутри предсказуемо сдох. Сначала заткнулись ближайšie столы, а через пару секунд тишина накрыла весь зал. Люблю я эту тему. Стадо всегда чувствует волка и зажимает хвосты, даже если ты не произнес ни слова.

Мы упали за наш угловой стол. Это место всегда пустовало, никто не рискнул бы его занять. Я откинулся на спинку, вытянув ноги. Пацаны начали тереть про вчерашние гонки, но я их почти не слушал. Скукотища. Те же рожи, та же пресная еда, та же серая биомасса, которая думает, что делает тут что-то важное. Я лениво сканировал зал. Девчонки пытались выглядеть «дорого», но на деле были просто дешевыми копиями друг друга. Сплошной инкубатор.

— Глянь, — Кирилл толкнул меня, кивнув на соседний ряд. — Первокурсницы вполне себе, зацени.

Я мазнул взглядом по указанному направлению. Две девахи в обтягивающих джинсах, лица нарисованные, сплошная показуха.

— Ну-у симпатичные, молодые, — процедил я, даже не задерживаясь на них взглядом. — Ничего особенного. Очередной тираж.

Кирилл хмыкнул, отхлебывая кофе.

— А что тогда «особенное»?

Я хотел было ответить какой-нибудь гадостью, но тут мой взгляд скользнул чуть дальше, за соседний столик, и замер.

Она сидела там, в компании своих, видимо, одноклассников. Слишком тихая, слишком «правильная». Длинная коса, простая светлая блузка с аккуратным круглым воротом, открывающим лишь тонкую полоску шеи и ложбинку у гортани. Господи, она что, из позапрошлого века сбежала? Пока вокруг все орало и ржало, она уткнулась в свои конспекты.

Я прищурился. Что-то в ней было... Она смотрелась здесь как монашка в борделе, такая же неуместная и такая же притягательная в своей нелепости. Вся эта её правильность так и просила, чтобы кто-то оставил на ней жирный отпечаток мазута.

— Гляди-ка, — я толкнул Кирилла локтем, не сводя с неё глаз. — А вот это уже интереснее.

— Где? — Кирилл проследил за моим взглядом и разочарованно фыркнул. — Эта моль бледная? Яр, ты серьезно? Да она же прозрачная, там и подержаться не за что.

— Ты не вкуриваешь, — подал голос Макс. Я почувствовал, как он тоже включил своего «рентгена», сканируя девчонку. — В таких тихонях самое кайфовое — это звук, с которым они ломаются. Слышал про нее. Приезжая, вроде из пригорода. Каждый день на автобусе мотается. Её тут уже «монашкой» прозвали.

Я прищурился, изучая её профиль. «Монашка». А в этом что-то есть. Пока остальные девки в зале часами штукатурят лица, чтобы хоть как-то выделиться, эта вообще не парится. И, чёрт, это цепляет сильнее любого дорогого шмота.

— Монашка, значит, — пробормотал я, чувствуя, как в груди шевельнулось ленивое любопытство. — Ну, поглядим, что там за начинка. Под этим коконом стопудово припрятано что-то интересное.

Я поднялся. Медленно, чтобы все в зале прочухали момент. По тому, как в столовке резко стало тихо, я понял: стадо замерло. Все гадали, по чью душу я подорвался на этот раз.

Я двинул к её столу. Она сидела вполоборота, отгородившись от всех своим конспектом. Эта её отстраненность начала подбешивать. Обычно люди кожей чувят, когда я подхожу: начинают суетиться, глаза прятать. А эта будто в вакууме заперлась. Мне стало чертовски любопытно, какая она на вкус, если вытряхнуть её из этого стерильного мира и швырнуть в реальность.

Я подошёл к их столу. Почувствовал, как парень рядом с ней, веснушчатый шенок, побелел, как стена, и начал активно вникать в содержимое своей тарелки. Типичная реакция. Скучно.

Я наклонился к ней. От неё пахло дождем и чем-то совсем простым: полевыми травами и старыми книгами. Совсем не так, как от местных кукол, которые пахли приторным парфюмом. Её запах был настоящим.

— О, монашка приехала, — я усмехнулся, разглядывая вблизи её чистую кожу. — Слышал, тебя тут «святошей» прозвали? Деревенщина, ты дверью не ошиблась? У нас тут универ, а не приход. Вылезай из футляра, а то задохнешься в своем коконе. Сейчас двадцать первый век, а не времена инквизиции, если ты не в курсе.

Я ждал, что она сейчас поплывет: опустит голову, покраснеет и замолчит, как сотни других до неё. Но она медленно повернулась и задрала голову. Глаза темные, огромные. В них плескался страх, но под ним черт возьми, был чистый, неразбавленный вызов. Она не отвела взгляд. Смотрела прямо на меня, и в этом вызове было больше смелости, чем во всех понтах стритрейсеров на трассе.

— А ты что, король здесь? — голос дрогнул, но прозвучал отчетливо, без тени заискивания.

Интересно. Очень, блин, интересно.

Я подался вперед, втираясь в её личное пространство, ломая все мыслимые границы. Воздух между нами стал густым, горячим. Я смотрел на неё, на бледную кожу её шеи, на тонкую линию ключиц, едва виднеющуюся над воротом блузки, когда она чуть вжалась в спинку стула.

Обычно девчонки делились на два типа. Первые — те, кто вешался мне на шею при первой возможности, жаждал внимания и денег. Вторые — те, кто прятал глаза из вежливого, цивилизованного страха, боясь проблем. Они боялись меня как Волкова.

Эта была другой. И прямо у меня на глазах, от моего дыхания, от моей близости, на её открытой коже посыпались мелкие, острые «мурашки». Они высыпали россыпью по шее, ползли к плечам под ткань блузки, выдавая её с потрохами.

Это был страх, но не тот, от которого бегут. Это была чистая физика, животный отклик на моё присутствие. Её тело реагировало на меня так же, как мой байк на поворот ручки газа — мгновенно, до дрожи, до непроизвольного рывка. И этот страх не был защитой, он был предательством её собственного мозга. Она могла считать меня хоть дьяволом, но её кожа и этот рваный вдох говорили об обратном.

Я усмехнулся: идеально. В этом и был мой главный «сигнал»: она реагировала. А ещё я увидел в её глазах ту самую подавленную искру, которая доказывала: за всей этой правильностью, за скромной блузкой и длинной косой скрывается страсть куда покруче той, что она позволяла себе показать. Скрытая страсть, которая ждала, чтобы кто-то её освободил.

— Король? Нет, Мурашка, — я едва коснулся кончиком пальца этой дрожащей кожи, не разрывая визуального контакта. — Просто тот, кого здесь принято слушаться.

Она сглотнула, и я отчетливо увидел, как дернулась её тонкая шея. Зрачки расширились, почти затопив радужку черным. Она боялась, я чуял этот страх кожей, но она не отводила взгляд. В этом и была её сила, её странное отличие. Она не втянула голову в плечи, а продолжала пялиться мне прямо в глаза. Я видел, как её пальцы побелели, вцепившись в край стола. Всё её тело орало: «беги!», но она сидела на месте.

Эта девчонка не была похожа на тех, кто вешается на шею из-за бабла, и не была серой мышью, забитой вечным страхом. В ней было что-то дикое, запертое под пятью замками. И мне до одури захотелось узнать, что будет, если я их сорву.

— Тесновато тебе в этом коконе, — шепнул я, выпрямляясь во весь рост. — Ничего. Мы это исправим.

Я развернулся и пошел прочь, кожей чувствуя, как её взгляд продолжает жечь мне спину.

Лекция по философии тянулась как резина, но я забил. Прокручивал в голове её лицо, смакуя детали. До этого момента мой мозг, привыкший к легкому дофамину и доступным телкам, был в спячке. Все остальные здесь были просто прозрачными копиями, чьи реакции я считывал на три хода вперед. А она — закрытый сейф. Сложный замок, где грубой силой ничего не возьмешь. Тут нужно время и терпение.

Я чувствовал триумф, осознавая свою власть над её телом. Тот факт, что одно моё дыхание, одно лишь вторжение в её пространство заставило её кожу покрыться мурашками — это была моя первая победа.

Для большинства страх — это когда хочется испариться или забиться в угол. Но она она вибрировала от моего присутствия. Кожа выдавала её с потрохами, транслируя всё то, что она так упорно прятала за своим застегнутым на все пуговицы воротничком.

Она чувствовала меня каждой клеткой, и я знал: это не про ненависть и даже не про простой испуг. Это про то, что её тело признало во мне хозяина положения гораздо раньше, чем её правильная, забитая моралью голова успела это осознать. Она могла сколько угодно смотреть на меня с вызовом, но эти мелкие мурашки на её шее говорили правду: я уже взломал её код, просто оказавшись рядом.

Святая невинность в мешковатом шмоте. Я доберусь до того, что она прячет. Я заставлю её не только краснеть от моих слов, но и плавиться от моих рук. Я буду зарываться пальцами в эти волосы, густые, как самодельное масло в картере, и смотреть, как её «святой» взгляд превращается в чистый, неуправляемый пожар.

— Волков! — голос профессора резанул по ушам. — Вы, кажется, отсутствуете.

Я медленно поднял взгляд, лениво облокотившись на спинку стула и чувствуя на себе любопытные взгляды однокурсников.

— Я здесь, профессор, — позволил себе кривую усмешку. — Просто задумался о смысле бытия.

Смысл был прост: это не любовь. Любовь для слабаков, ищущих «вторую половинку», чтобы спрятаться от собственной никчемности. У меня нет одиночества, у меня есть только голод. И то, что я почувствовал к ней — это охотничий азарт, смешанный с чистым, концентрированным любопытством.

Пока все видят «монашку» в растянутом свитере, я вижу запертый сейф. Шикарно, что для остальных она кажется пустой или невкусной. Чем меньше народа понимает, что там внутри, тем проще мне забрать всё содержимое себе.

Я вспомнил её взгляд в столовой. Голос дрожал, но в глазах там не было смирения. Там была искра. Она как старая коллекционная тачка, брошенная гнить в пыльном гараже. Прохожие видят только ржавчину и тусклую краску, но я слышу ритм движка. Я вижу, что внутри спрятан зверь, который просто ждет, когда я поверну ключ в замке зажигания и вдавлю газ до упора.

Мне не нужна была ваниль. Я хотел увидеть, как её идеальные принципы затрещат по швам, когда она поймет: я единственный в этом странном университете, кто разглядел её истинное лицо. Истинное, тёмное, жаждущее того же хаоса, от которого она так старательно бежит.

Скука отступила. Я зацепился за Монашку, как за самую сложную головоломку в моей жизни. И я её решу. Разберу по винтику, до последней детали.

Глава 3.

Зина.

Мир вокруг столика не просто гудел, он будто сошел с ума. Тарелка с недоеденным супом казалась чем-то из прошлой жизни, а голос Андрея, что-то обеспокоенно спрашивающего, долетал до меня словно из-под толщи воды.

Я сидела, вцепившись в край стола. Руки предательски, мелко дрожали, и я никак не могла их остановить.

— Зин? Ты чего? Ты бледная, как мел, — Андрей тронул меня за плечо, и я дернулась, как от удара током.

Я не могла дышать. В воздухе до сих пор стоял этот шлейф: холодный парфюм, дорогая кожа и что-то горькое, почти металлическое. Его запах. Он ушел, но аромат не исчез, он будто впитался в мои волосы, в самую кожу. Он висел в воздухе тяжелым электрическим зарядом, который все еще покалывал шею там, где Ярослав едва коснулся.

«Мурашка».

Это слово отозвалось в голове глухим ударом. Он сказал это с такой интонацией будто отметил меня. Даже не словом взглядом. Я медленно подняла ладонь и коснулась шеи. Кожа там горела. Я чувствовала каждую пору, каждую чертову мурашку, которая до сих пор не хотела уходить. Моё собственное тело предало меня, выставив этот животный страх напоказ. Он ведь всё видел. Видел, как я задрожала, как сбилось дыхание.

Господи, я ведь даже не дышала, когда он стоял надо мной! Я чувствовала себя пойманным зверьком, которого только что погладили перед тем, как свернуть шею.

— Он он всегда такой? — спросила я, и мой собственный голос показался мне чужим. Слишком тихим, надломленным.

Маша, которая до этого момента молчала, вытаращив глаза, нервно хохотнула:

—Я же говорила! Он... Зин, он сумасшедший. Ты видела, как Ярослав на тебя смотрел? Он тебя чуть не проглотил глазами. Ты лучше не попадайся ему больше, ладно?

Не попадаться. Как будто я его искала!

Я встала, чувствуя, как ноги стали ватными. Мне нужно было уйти. Выбежать из этого шумного вертепа, вдохнуть свежий воздух, спрятаться там, где меня никто не найдет. Я быстро собрала конспекты в сумку, чувствуя на себе десятки взглядов.

Раньше меня не замечали: серая мышь в невзрачном кардигане. Но теперь... Теперь каждый в этой столовой смотрел на меня. Я стала «той самой», кого отметил Волков. На мне горела невидимая метка, и от этого осознания меня по-настоящему затошнило.

Вечером, когда я села в автобус до Верхнебора, я долго смотрела в темное стекло, пытаюсь увидеть там свое отражение. Но видела только глаза Ярослава. Серо-зелёные, холодные, как полированная сталь, с темным, почти черным ободком, который делал их пронзительными до боли. Я до сих пор видела тот момент, когда они, прямо у меня на глазах, потемнели, наливаясь тяжелой, почти осязаемой тьмой, от которой перехватило дыхание.

Я ведь приехала сюда за нормальной жизнью. У меня есть Дима, у которого теплые руки и предсказуемые планы на выходные; учеба; расписание автобусов, в котором нет места для «черных кожаных курток» и «королей асфальта».

Я зажмурилась, отчаянно пытаюсь стереть из памяти мимолётное касание его пальца там, где воротник едва приоткрывал шею. Но стоило закрыть глаза, как наваждение возвращалось: я снова ощущала это беспардонное вторжение, его обжигающее дыхание на своей коже. В самой глубине, под слоями привычного контроля, зашевелилось что-то пугающее... тёмный, вибрирующий отклик, которому я боялась дать имя.

Ярослав не просто задел меня. Что-то внутри сдвинулось, и уже не встало на место.

Я прижала сумку к груди, как щит, и забилась в самый угол сиденья. Завтра снова в город, снова в университет. И я знала, как бы сильно я ни хотела спрятаться, я буду искать его глазами и ненавидеть себя за это. Потому что я, как последняя дура, позволила ему затянуть себя в свою опасную орбиту.

Дома было как всегда: тихо, спокойно, уютно. Мама суетилась на кухне, по дому разливался привычный аромат ванильных сухариков, а старые часы в коридоре всё так же размеренно отсчитывали время. Верхнебор жил своей тихой, предсказуемой жизнью, в которой ничего не менялось годами.

Я зашла в свою комнату, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Здесь был мой мир: безопасный, чистый и до боли понятный. Но почему-то эта привычная обстановка, которая раньше дарила мне покой, сейчас казалась чем-то чужим. Словно я вернулась в старую пьесу, в которой забыла свои слова. Я смотрела на свои книги, на заправленную кровать, на цветы на подоконнике, и внутри меня всё сжималось от какой-то необъяснимой тоски. Мне было здесь тесно. Как будто стены моей комнаты начали медленно сдвигаться, пытаясь задушить то новое, дикое ощущение, которое я привезла из города.

В семь вечера, когда я сидела за столом с конспектами, телефон на экране завибрировал.

— Привет, мелкая, — в трубке раздался голос Димы. Мягкий, теплый, такой привычный.

Дима называл меня «мелкой» уже года два: ласково, по-свойски. Но сейчас это привычное прозвище прозвучало как голос из параллельной реальности. Там всё было просто, понятно и безопасно.

— Привет, Дим, — я попыталась сделать голос как можно более обычным.

— Как день? Опять много пар? — он не дождался ответа и сам принялся рассказывать про учебу.

Посыпались привычные новости: что-то про нудного историка, про то, как они с парнями в общаге полночи зубрили параграфы, и про то, что в выходные он планирует вырваться домой, что бы наконец-то нормально выспаться и увидеть меня.

Я слушала его, глядя на свои руки. Дима был хорошим. Он был моим будущим, моим правильным выбором. Он учился, строил планы, был серьезным и предсказуемым. Дима был безопасным. С Димой всё было понятно наперёд.

— Ну что, мелкая, ты там хоть подружилась с кем? Девочки, мальчики есть в компании? — продолжал Дима, и в его голосе проскользнуло искреннее, по-мальчишески теплое любопытство.

Я на секунду зажмурилась. Сказать ему правду? Что в столовой ко мне подошел человек, который перевернул всю мою жизнь за пять минут, и что теперь я боюсь даже дышать? Нет, конечно.

— Да, нормально всё, — ответила, стараясь говорить как можно бодрее. — Есть ребята. Я тебе о них уже говорила. Маша, Лена и Андрей... мы с ними прям сдружились, вместе на лекции ходим, в столовой сидим. Они неплохие.

— Андрей... — протянул он, и в его тоне проскользнула наигранная, легкая нотка ревности. — Смотри там, мелкая, не променяй меня на какого-нибудь Андрея. Я ведь парень серьезный, конкурентов не люблю.

Я рассмеялась. Звук вышел звонким, почти естественным. Но этот смех показался мне чужим, как будто я надевала маску, которая мне совсем не по размеру.

— Дурак. Я же тебя люблю, — слова прозвучали правильно, почти автоматически.

В трубке на мгновение воцарилась тишина, а потом Дима выдохнул с такой нежностью, что мне стало почти физически больно.

— И я тебя. Очень, мелкая. Скоро увидимся, обещаю.

Я положила телефон на тумбочку и присела на край кровати. В комнате снова стало тихо, но эта тишина теперь была давящей. «Я же тебя люблю»... Я произнесла это, как пароль, как клятву, но внутри меня осталась пустота.

Дима шутил про Андрея, но он даже представить себе не мог, что настоящая опасность не в Андрее, не в безобидном однокурснике, а в человеке в черной куртке, который смотрит так, будто видит меня насквозь. Человеке, который назвал меня «Мурашкой» и чья холодная, металлическая аура до сих пор преследовала меня, стоило мне закрыть глаза.

Я легла в постель, но сон не шел. В комнате было так тихо, что я слышала собственное дыхание, но в голове продолжал вибрировать тот самый опасный отзвук из столовой.

Я ворочалась с боку на бок, пытаюсь разложить всё по полочкам, как привыкла делать со своими конспектами. Логика всегда спасала меня, но сейчас она буксовала. Я ведь сделала всё, чтобы стать тенью, слиться со стенами этого университета. Надела самую простую одежду, не красилась, не поднимала глаз. И именно меня он выцепил из толпы. Почему? Что он во мне увидел? Бледную деревенскую девчонку? Очередную жертву для издевательств?

Я зажмурилась, и в темноте снова всплыло его лицо. Его губы, искривленные в той пугающей, собственнической усмешке.

— Мурашка... — сорвалось с моих губ почти неслышно.

И в этот миг до меня дошло. Холодная догадка прошила насквозь. Это было не просто дурацкое прозвище. Ярослав учуял во мне то, чего не заметили другие. Он ткнул пальцем в мою самую глубокую, самую охраняемую уязвимость. Этот парень понял: какой бы тихой и невидимой я ни пыталась казаться, внутри я живая. До боли, до дрожи живая. Одним своим присутствием, касанием своего дыхания он выманил наружу мой страх и эту предательскую реакцию тела, которую я не смогла обуздать.

Я чувствовала себя подопытным кроликом, которому вскрыли клетку. Хищник не нападает сразу, он просто сидит рядом и наблюдает: сорвусь ли я на бег или останусь на месте, парализованная его близостью.

Ярослав увидел, как под моей напускной броней бьется затравленный, пульсирующий пульс. А я... я ведь так отчаянно старалась скрыть этот живой родник от всего мира. Прячала его за глухими воротничками и молчанием, свято веря, что храню это сокровище для Димы. Для того дня, когда мы станем семьей, и эта скрытая во мне сила наконец вырвется на волю, раскрасив нашу жизнь в яркие цвета. Я берегла свою страсть как дар, который должен достаться только одному тому, кто наденет мне кольцо на палец.

А Волков... он просто пришел и бесцеремонно заглянул туда, куда я никого не пускала. Неужели его пронзительные глаза действительно добрались до самой глубины, беспрепятственно пройдя сквозь все мои преграды? Разве так бывает? Неужели он увидел во мне женщину раньше, чем это позволил себе мой собственный жених?

Рядом с тем «электрическим» напряжением, которое принес с собой Волков, вся моя привычная жизнь вдруг показалась пресной и бесцветной. Словно я всю жизнь смотрела старое кино с выключенным звуком, а потом меня внезапно швырнули в самый центр грозы.

От этой мысли становилось страшно. Я ведь так старалась сохранить себя для нашей с Димой будущей жизни. А этот чужак в кожаной куртке просто подошел и, кажется, учуял запах настоящей меня сквозь все слои моей скромности.

Я не хотела быть для него открытой книгой. Я не хотела, чтобы он, именно он, смотрел на меня так, будто уже всё про меня знает. Я мечтала, чтобы Ярослав просто забыл о моем существовании. Чтобы завтра я прошла по коридору, а он даже не повернул головы, как и все остальные. Но внутри, там, где я была до боли честна с собой, я знала: он не забудет. Волков нащупал слабинку в моей защите. Нашел ту тонкую трещину в образе «серой мышки», которую я считала своей крепостью. И теперь Ярослав будет давить на неё, пока она не разойдется по швам.

Или мне это только показалось? Может, я просто начиталась романов и теперь приписываю обычному мажору-хулигану какую-то мистическую пронизательность? Вдруг я для него всего лишь очередная мишень для насмешек, «серая мышка», которую забавно помучить перед всей столовой?

Я забила под одеяло с головой, пытаюсь убежать от самой себя. Но в темноте снова возник этот холодный, оценивающий взгляд: серо-зелёный, с металлическим блеском, острый, как лезвие. Взгляд, который, как мне чудилось, видел меня настоящую.

Я знала: завтра мне снова придется встретиться с ним. И, возможно, завтра я пойму, права я или ошибаюсь.

Воздух в коридорах университета казался густым, пропитанным пылью и ароматами дешевого парфюма. Я шла по бесконечным лестницам, стараясь быть максимально незаметной в своем сером кардигане. Мои руки сжимали лямки сумки так, будто это был единственный спасательный круг в океане.

В аудитории я села на привычное место в предпоследнем ряду. Рядом плюхнулась Машка, тут же начав вполголоса обсуждать какого-то парня из параллельной группы. Я кивала невпопад, пытаюсь сосредоточиться на лекции, но буквы в конспекте плясали. Каждое открытие двери заставляло меня вздрагивать.

Перемена.

— Зин, хорош киснуть,— Машка потянула меня за рукав. — Пошли на улицу, там солнце, а здесь дышать нечем. У нас всего пять минут, успеем.

Я послушно вышла за ней. Свежий воздух немного прояснил голову. Мы встали под старым раскидистым деревом, чуть в стороне от основных дорожек.

— ...и вот он мне пишет, прикинь? — Машка щебетала о своем, а я рассеянно смотрела на дорогу.

И тут тишину разорвал рокот. Низкий, утробный, вибрирующий где-то в груди. Мое сердце пропустило удар.

Ярослав притормозил на своем байке прямо у главного входа. Остановился плавно, уверенно. Скинул шлем, откидывая волосы назад, и слез с мотоцикла. Он был в своей привычной кожаной куртке, которая на солнце казалась почти черной, как вороново крыло. От него веяло какой-то первобытной силой, опасностью, от которой хотелось отвернуться, и не получалось.

Ярослав шёл через двор, не глядя ни на кого. Свободная походка, взгляд, направленный куда-то вперед, ни намёка на то, что он кого-то ищет. Слава Богу. Он прошел мимо нас, почти коснувшись плечом какого-то парня, обменялся с кем-то из своих коротким приветственным кивком и остановился у перил, доставая пачку сигарет.

Я застыла. Мое дыхание перехватило. Я наблюдала за каждым его движением: как он щелкнул зажигалкой, как глубоко затянулся, как выдохнул дым в сторону серого неба. Он был красив той пугающей, резкой красотой, от которой невозможно было отвести взгляд. Даже его равнодушие казалось мне проявлением власти.

Всего пара минут, и он, бросив окурки под ноги, развернулся и ушел вместе со своей компанией обратно в корпус.

Я так и стояла, не в силах пошевелиться.

— Зи... Зи-и! — Машка дернула меня за локоть. — Ты чего зависла? Пошли, перемена закончилась, сейчас профессор начнет проверять присутствие.

—А? Да да, пошли, — мой голос прозвучал глухо, как будто издали.

Я развернулась и пошла за ней, едва переставляя ноги. Внутри всё еще колотилось сердце, но с каждой секундой, по мере того как мы отдалялись от того места, где он стоял, ко мне возвращалось подобие самообладания.

Слава Богу он не посмотрел, даже не обернулся.

— Ты чего такая бледная? — Машка на ходу поправляла волосы, разглядывая своё отражение в оконном стекле. — Опять перенервничала? Да брось ты. Наверняка, больше он к тебе не подойдет. Волков местная звезда, на него все смотрят как на экранный образ. У него очередь из моделей, зачем ему на тебя время тратить? Найдет себе цель поярче.

«Просто звезда», — эхом отозвалось у меня в голове.

Машка не понимала моего ступора. Она видела лишь фасад: ревуший хромированный байк, кожаную куртку и повод для сплетен. Она не понимала, что дело не в его статусе, а в том, что произошло между нами в те несколько секунд. Она не чувствовала того, что почувствовала я: этот ледяной статический разряд, прошивший меня насквозь и парализовавший волю. Для неё это было шоу, для меня прямое попадание.

В нашем Верхнеборе мужчины были другими. Там всё было просто: кто-то работал в мастерской, кто-то гонял на тракторе, кто-то по вечерам выпивал с друзьями у магазина. Они были понятными, как открытая книга. Я знала, чего от них ждать, знала, как ответить на их нехитрые подкаты. Они были частью жизни, предсказуемой и скучной.

А Ярослав... он казался мне существом с другой планеты: опасным, хищным, чуждым. В его походке, в том, как он держал сигарету, как смотрел сквозь окружающих, во всём этом была какая-то ледяная, концентрированная мощь. Я никогда не видела таких людей. Он не был «крутым» в обычном понимании, он был небезопасным. Как оголенный провод под напряжением: один неосторожный шаг, одно касание, и тебя просто испепелит. Машка видела мимо-лётную блажь, минутную забаву хищника, я же видела зверя, который только что принюхался к моей коже.

Мы зашли в аудиторию, и я тут же уткнулась в конспекты, пряча лицо за волосами.

Господи, пожалуйста, пусть он забудет. Пусть я буду для него просто «очередной студенткой», промелькнувшей в столовой, которую он уже через час выкинул из памяти. Я не хочу его замечать, не хочу его знать. Я хочу тишины, хочу своих учебников, хочу, чтобы Дима приехал в выходные, чтобы всё вернулось на круги своя, в привычную колею, где нет никаких Волковых, никаких «Мурашек» и никаких странных приступов паники от одного только запаха дорогой кожи и бензина.

Я сидела, вжавшись в стул, и методично переписывала лекцию, слово в слово. Я заставляла себя думать только об истории, об эпохах, о событиях, которые остались в глубоком прошлом.

Забудь, — приказывала я себе. — Просто стань невидимкой, снова.

Я чувствовала, как на душе становится легче от одной только мысли, что он меня не узнал. Всё будет хорошо. Он просто прошел мимо. Он хищник, он охотится на что-то другое, более яркое, более заметное, чем Монашка в сером кардигане.

Пусть он всегда проходит мимо. Пусть я буду для него пустым местом, серым пятном в коридоре. Главное, чтобы он никогда больше не смотрел на меня так, словно он видит не тихую студентку, а оголенные нервы, пульсирующие под тонкой кожей.

Глава 4.

Ярослав.

Я остановился чуть поодаль от входа, не спеша примыкать к своим. Макс с Кириллом уже заняли привычную позицию у ступенек: сигареты, ленивый ржач, пустые тёрки, которые я обычно даже не запоминал. Всё это было слишком предсказуемым, слишком знакомым, до легкого чувства оскомины.

Сначала — взгляд. Она была там же, где и вчера. Не в центре толпы, не на проходе, а чуть в стороне. словно специально выбрала место, чтобы не отсвечивать в этом шумном потоке. Серый кардиган, пальцы спрятаны в рукавах... Она выглядела так, будто ей здесь постоянно холодно. Или ей просто не по себе от мысли, что её могут срисовать.

И сегодня она снова была не одна. Кажется, это те же, что сидели с ней в столовой, просто тогда я их почти не зафиксировал: они были фоном, шумом. Сейчас же я задержал взгляд, лениво сканируя её «свиту».

Две девчонки и тот же пацан. Одна из подруг — светлая, дерганая, с чересчур резкими жестами и громким, дребезжащим смехом. Вторая — тише, наблюдательнее, из тех, кто привык уверенно занимать свое место в пространстве. Они двигались свободно, болтали, не парясь о том, как выглядят со стороны.

На их фоне Мурашка казалась приглушенной. Не лишней, нет, но работающей на совершенно ином уровне громкости. Казалось, они были ярким цветным фильмом, а она тонким карандашным наброском, который сотрется от первого же неосторожного касания.

Затем я перевёл взгляд на парня, и внутри шевельнулось глухое, маслянистое раздражение. Судя по всему, этот тип был её однокурсником. А значит, они знакомы от силы неделю. Всего семь дней, а он уже ошивался рядом с ней с той бесячей естественностью, на которую у других уходят годы. Не лез из кожи вон, не пытался казаться круче, чем был. Просто присутствовал в её пространстве как нечто само собой разумеющееся.

Слишком близко. Слишком... законно.

Когда он заговаривал, наклонялся к самому её уху, нагло забывая на те границы, которые я вчера прощупывал по миллиметру. Его пальцы коротким жестом зацепили её плечо, и она, чёрт возьми, даже не дернулась. В этом не было моей агрессивной тактики или попытки доминировать. Это была какая-то мгновенная, уютная привычка, которую они успели выстроить за эти несколько дней.

Именно эта будничная близость вымораживала меня больше всего. Этот щенок не завоевывал территорию, он просто зашел на неё и расположился как дома. Стал для неё безопасным фоном, удобным соседом, которого не замечаешь, пока он не перегорит дорогу.

Я прищурился, чувствуя, как инстинкт требует немедленно убрать этот «шум» из кадра. В моей системе координат для таких «правильных мальчиков» места не было. Рядом с ней должен был стоять кто-то, кто заставит её кровь закипать, а не тот, кто просто травит анекдоты перед парой.

Он был для неё штилем. Я собирался стать её штормом.

— Чё завис? — донеслось сбоку.

Макс подошёл, щёлкнув зажигалкой, и проследил, куда я пялюсь.

— А-а, — протянул он, едва заметно усмехнувшись. — Монашка с подружками.

Я не ответил сразу.

— Кто с ней? — спросил спокойно.

— Да первокуры какие-то. Тот с веснушками из их же группы, вроде. Вечно рядом крутится, как приклеенный.

Я кивнул, не отрывая взгляда от этой идиллии. *Вечно рядом.* Слишком точно сказано.

Я сделал медленный вдох, давая этому чувству осесть внутри. Это была уже не просто злость. Это было острое ощущение, что всё идет не по резьбе. Как будто кто-то по ошибке занял место в первом ряду, которое не должно быть занято. По крайней мере, не этим веснушчатым щенком.

Глупость. Я усмехнулся про себя, стряхивая этот морок. В этот момент Монашка что-то тихо ответила веснушчатому, и их компашка наконец отлипла от места, направляясь к дверям.

Я проводил взглядом её серый кардиган, дождался, пока они скроются в дверном проёме, и только тогда оттолкнулся от стены.

— Пошли, — бросил я.

Толпа двигалась вязко, с привычной неохотой: сонные лица, пустые терки, залипание в телефонах. Я не пялился на неё в открытую, в этом не было нужды. Я чувствовал её присутствие кожей, как радар ловит сигнал. Она шла чуть впереди, прижатая к стене своей маленькой «стайкой». Веснушчатый семенил слева, почти касаясь её плечом. Оберегал, как преданный пес.

Обычно люди инстинктивно чувствовали моё приближение. Поток просто расступался, оставляя вокруг меня метр пустоты, но сейчас эта дистанция мне только мешала. Чтобы подойти вплотную и не спугнуть её раньше времени, мне нужно было буквально раствориться в этой серой массе.

Я притормозил на секунду, давая толпе спрессоваться, и выверил траекторию. Это не было погоней в открытую, скорее мягкое, незаметное смещение на полшага в сторону, затем еще на одно. Ровно столько, чтобы наши линии пересеклись в самой узкой точке у поворота.

Макс и Кирилл шли за спиной, не задавая вопросов. Они слишком хорошо знали этот мой взгляд и привыкли не лезть туда, где я сам решал, как расставлять фигуры.

Ещё шаг. Дистанция в ноль. Я видел край её серого рукава и то, как она судорожно дернула его вниз, пряча ладонь. Жест защиты, ясный как день. До меня долетал обрывок её фразы, тихий голос, который почти тонул в гуле коридора, но для меня он перекрывал все остальные звуки.

В момент, когда поток дернулся вперед, я сделал последний шаг. Моё плечо врезалось в её не грубо, но достаточно весомо, чтобы сбить её с ритма и заставить пошатнуться.

Я замер на долю секунды, имитируя случайную заминку в толкучке, и медленно повернул голову, глядя прямо в упор.

— Смотри куда идёшь, — произнес я ровно, просто фиксируя факт.

Её зрачки на мгновение расширились и в них отразилось оцепенение. Монашка явно не рассчитывала, что я снова выцеплю именно её в этой безликой толпе первокурсников. Замерший взгляд выдавал её: она надеялась остаться невидимкой, но я уже зацепил её своим вниманием.

Я задержал взгляд на мгновение дольше, чем того требовала случайная авария. Ровно столько, чтобы она почувствовала мой вес, мой запах, мою неизбежность. И только потом отпустил.

Я развернулся и пошел дальше, не оборачиваясь. За спиной засуетился веснушчатый, она что-то сбивчиво зашептала в ответ, но слова уже не имели значения. Главное, я почувствовал этот сбой в её системе. Она среагировала. Молекулы воздуха между нами пришли в движение, и я едва заметно усмехнулся. Механизм запущен. Игра сдвинулась с мертвой точки.

Я высиживал эту пару, как срок в одиночке. Время тянулось вязко, липко, будто застряло в перегретом моторе. Препод что-то втирал про основы, но я почти не вникал — всё это было слишком элементарным, чтобы тратить на это ресурсы.

В голове пульсировало другое: её сбой. Та короткая, едва уловимая пауза, когда я задел её плечом. Девушка не просто пошатнулась, она потеряла внутреннее равновесие. Её чуть удивленный, чуть испуганный взгляд говорил яснее всяких слов: она до последнего надеялась, что

я про неё забыл. Ошиблась. На долю секунды она превратилась в натянутую струну, которая только и ждет, чтобы по ней ударили медиатором.

Я провёл большим пальцем по краю стола, чувствуя шероховатость дерева, и криво усмехнулся. Моя Мурашка продолжала вибрировать.

Когда пара закончилась, я не стал задерживаться. Макс что-то задвигал про субботу, Кирилл вкидывал свои варианты, но я лишь отмахнулся, бросив короткое:

— Потом.

Они переглянулись, но вопросов задавать не стали.

На улице ветер прошивал куртки насквозь, унося обрывки студенческого трéпа в сторону парковки. Я занял своё место у перил, привычно щёлкнул зажигалкой и затянулся. Дым наполнил легкие, вытесняя запах дешёвого университетского кофе.

Я не искал её взглядом. Мне не нужно было суетиться или рыскать по сторонам, я и так кожей чувствовал, где она.

Они стояли в сквере от недалеко входа, на своём привычном месте, под старыми липами. Та же свита: смешливая русая девчонка, вечно строчащая что-то в телефоне, тихая, серьезная брюнетка-наблюдательница и веснушчатый «телохранитель», который так старался казаться своим, что выглядел просто жалко. А она... она пыталась быть нормальной. Кивала, слушала, даже разок коротко улыбнулась, одними уголками губ.

Но я знал: она чувствует мой взгляд на затылке. Это как статика перед грозой. И когда её взгляд, наконец, сорвался и скользнул по сторонам, он предсказуемо воткнулся в меня.

Я не отвёл глаз. Просто стоял, вбивая своё присутствие в её сознание. Спокойная, ровная фиксация, как прицел на мишени.

Сначала она держалась, но потом пришло понимание: я не отпущу. Её улыбка не просто исчезла, она стерлась, обнажив тот самый испуганный и одновременно дерзкий взгляд. Секунда. Две. Воздух между нами стал тяжелым. Я едва заметно прищурился, оценивая её, как новую деталь в гараже, и только после этого медленно выдохнул дым в сторону.

Когда я снова посмотрел на них, она уже что-то беззвучно шевелила губами, отвечая подруге, но её плечи застыли в напряжении. Друзок Мурашки снова придвинулся ближе, заглядывая в лицо, пытаясь поймать её взгляд, но она кивала ему невпопад, чисто механически, как заведенная кукла.

Уверен, её мысли были уже не с ними. Они застряли здесь, у этих перил, рядом со мной.

— Ты сегодня какой-то задумчивый, — Макс встал рядом, проследив за моим взглядом. — Обычно ты так только на стартовую черту смотришь, Яр.

— Есть на что посмотреть, Макс. Есть на что, — я бросил окурок и раздавил его подошвой, медленно, с наслаждением.

Время вышло. Гул голосов на крыльце разом оборвался, сменившись топотом сотен ног: толпа хлынула к дверям, втягиваясь в здание корпуса. Я не спешил. Наоборот, я дал ей уйти вперёд, максимально отпуская невидимый поводок, но не спуская с неё глаз.

Иногда не нужно давить в открытую. Нужно оставить человека в тишине, чтобы он сам начал оглядываться и искать твою тень в каждом углу. Чтобы эта тишина начала орать моим голосом.

К следующей перемене я уже точно знал, где она всплывет. Не потому, что следил — хищнику не нужно бегать за добычей, достаточно знать тропы к водою. Первокуры предсказуемы до тошноты: они ходят одними и теми же маршрутами, как по наезженной колее.

Я не стал спускаться в холл. Завис на лестничном пролёте, прислонившись к ледяному стеклу окна. Отсюда коридор просматривался как на ладони.

Она появилась в окружении своей свиты. Подруга что-то активно вещала, парень привычно нависал над ней, а Мурашка она шла чуть позади, в своём вечном коконе. Тетрадь при-

жата к груди, пальцы утонули в растянутых рукавах. Она выглядела так, будто в любой момент готова была просто раствориться в воздухе, если на неё посмотрят слишком пристально.

Я оттолкнулся от подоконника и пошёл на перехват. Никакой спешки, просто случайное пересечение орбит.

Они замерли у стенда с расписанием. Пока девчонки спорили, а веснушчатый усердно копался в телефоне, пытаясь изобразить занятость, я подошёл вплотную. В нос ударил запах озона и мокрых лепестков. Словно она принесла с собой в этот душный корпус охапку полевых цветов, только что попавших под грозу.

Я протянул руку и медленно, почти лениво, подцепил свободный нижний угол бумажного листа. Две верхние кнопки, удерживающие расписание, сухо хрустнули в пазах доски, когда я потянул плотную бумагу на себя. Я чуть отогнул её, заставив острый край намеренно мазнуть по её обнаженному запястью. Она вздрогнула так, будто я прижег её бычком.

— У вас же сегодня экономика, да? — спросил я, изучая четкую сетку аудиторий и часов. Голос звучал буднично, почти дружелюбно.

Она замерла. Я чувствовал, как её дыхание сбилось.

— Да... — выдохнула она. В этом одном слове было столько напряжения, что можно было заряжать аккумуляторы.

Я чуть опустил голову, позволяя нашим взглядам сблизиться.

— Аудиторию сменили. Вторая на третьем этаже. Здесь старое расписание, — я произнёс это так уверенно, что она просто кивнула, даже не сделав попытки перепроверить информацию. В её глазах мелькнула растерянность. Она приняла мою ложь как единственный ориентир в этом внезапно сузившемся пространстве.

— Серьёзно? — паренёк нахмурился, вклиниваясь между нами. Пытался строить из себя защитника, но выглядел как щенок, который лает на проезжающую фуру.

— Угу, — я отступил на полшага, освобождая им пространство, и убрал руки в карманы куртки. — Поторопитесь, препод там лютый.

Я не стал ждать финала. Развернулся и пошёл прочь, кожей чувствуя, как за моей спиной начинается суета. Подруга кинулась проверять телефон, веснушка начал вглядываться в мелкий шрифт... Идиоты.

Ничего не меняли. Разумеется. Но зерно сомнения уже упало в почву. Теперь их привычный, безопасный мирок дал трещину. А Мурашка теперь будет гадать, почему я вообще об этом заговорил, почему я запомнил её расписание.

После пар я вышел на улицу; ветер стал ещё злее. Я замер у начала аллеи, прислонившись к дереву, курил и ждал. Они неизбежно должны были пройти здесь. Это был мой ритм, и они вписывались в него идеально.

Когда они поравнялись со мной, я оттолкнулся от ствола. Смотрел куда-то сквозь голые ветки, выпуская густой дым, и плавно встроился в поток за её плечом. Только когда она оказалась на расстоянии вытянутой руки, так близко, что я почти почувствовал тепло её тела, я произнёс это негромко, почти шепотом:

— Мурашка.

Это слово упало между нами, как пуля на лед: остро, холодно, смертельно.

Она запнулась. Её шаг сбился, она на мгновение застыла, а я, не сбавляя шага, просто прошёл мимо. Я не оборачивался, но затылком чувствовал её ошарашенный взгляд. Теперь она будет думать. Она будет прокручивать это слово в голове до самого вечера. Она будет искать смысл там, где есть только мой охотничий азарт.

Игра стала по-настоящему тонкой. И мне чертовски нравилось это напряжение.

Зина.

Я не сразу поняла, что это мне. Слово будто скользнуло по воздуху, зацепилось за воротник моего кардигана и осталось там — лёгкое, почти невесомое, но неприятно цепкое.

Я сделала ещё шаг по инерции. Рядом привычно шумел мир: Маша что-то доказывала, Лена смеялась, Андрей отвечал, всё продолжалось так, будто мы всё еще находились в безопасном коконе нашей компании. Только я уже не слышала. В моих ушах, перекрывая гул ветра, набатом билось одно-единственное слово.

«Мурашка».

Я остановилась, сама не понимая, как это произошло. Ноги будто налились свинцом, стало невозможно сделать даже шаг, словно невидимая нить, тянувшаяся от его губ, резко натянулась и тугими кольцами обвилась вокруг моего тела, удерживая в той самой точке, где меня настиг его голос.

Андрей прошёл чуть вперёд и обернулся, нахмурившись.

— Зин? Ты чего?

Я моргнула, с трудом выплывая из оцепенения.

— А? Да... иду.

Голос прозвучал почти нормально. Почти. Я догнала их, стараясь попадать в такт шагам Андрея, но внутри всё сместилось на полтона. Ничего ведь не случилось. Никто не кричал, не хватал за руки. Он даже не замедлил шаг, просто бросил звук в пространство и исчез.

Я сильнее сжала пальцы в рукавах. Мне не было холодно, но плечи непроизвольно сошлись, пытаюсь защитить шею — то самое место, где под кожей всё еще тлело воспоминание о его дыхании.

— Замерла как вкопанная, — Маша подозрительно прищурилась. — У тебя такой вид, будто ты привидение увидела.

— Ничего, — ответила я слишком быстро. — Просто показалось.

— Что показалось?

— Да так, — я качнула головой, пряча взгляд. — Пустое.

Я не хотела объяснять. Как объяснить то, чего не понимаешь сама? Это ведь глупо. Он просто сказал слово. Даже не имя. Мало ли кому он это бросил... Я почти убедила себя в этом. Почти. Но почему тогда кожа на шее снова начала гореть, а сердце забилось в рёбра, как пойманная птица?

Я машинально оглянулась. Он уже растворялся в толпе, но я безошибочно нашла его по этой хищной, уверенной походке, по тому, как расступались перед ним люди. Пространство вокруг него будто подчинялось другому закону гравитации.

Я быстро отвернулась, чувствуя, как к горлу подкатывает легкая тошнота от собственного бессилия.

— У нас правда аудиторию сменили? — спросил Андрей, возвращаясь к теме расписания. Я благодарно ухватила за его вопрос, как за спасательный круг. Обычный, будничные вопрос из нормальной жизни.

— Не знаю, — выдохнула я. — Там же не было написано.

— Наверное, он просто перепутал, — предположила Лена. — Или просто решил поиздеваться над первокурсниками.

Просто поиздеваться?

Я провела кончиком языка по пересохшим губам. Нет. Это уже не было «просто». Слишком много пересечений за один день. Сначала столкновение, потом этот тяжелый взгляд у перил, а теперь это прозвище. Он ударил этим словом точно в цель, зная, что я услышу. Зная, что я пойму.

— Пойдём быстрее, — я почти сорвалась на бег, увлекая их за собой. — Опоздаем.

Мне отчаянно хотелось оказаться в аудитории. Запереться в четырех стенах, сесть за парту, окружить себя тетрадами и учебниками — чем угодно, что могло бы вернуть ощущение

реальности. Потому что сейчас мир вокруг меня стал зыбким, а за спиной, я чувствовала это почти физически, открылась охота. И хуже всего было то, что я не могла объяснить друзьям почему я так сильно хочу спрятаться.

Глава 5.

Утро началось странно. Не потому что что-то произошло, наоборот, мир вокруг старательно притворялся прежним. Та же серая дорога, тот же дребезжащий автобус, те же сонные люди на своих привычных местах. Я даже открыла конспект, пытаюсь впихнуть в себя вчерашний материал, но буквы расплывались. Мысли, как заведенные, соскальзывали к нему. К его голосу, который вчера почти не звучал, но до сих пор вибрировал где-то в основании черепа.

«Мурашка».

Я резко захлопнула тетрадь. Глупость. Просто дурацкое прозвище, брошенное на ветер. Но легче не стало.

Когда я переступила порог университета, я кожей почувствовала перемену. Сначала я пыталась убедить себя, что это параноя. Люди всегда смотрят на новеньких. Но через несколько пролетов лестницы стало ясно: это не просто взгляды. Это был осмотр. Внимательный, оценивающий, почти осязаемый физически.

Я проходила мимо группы старшекурсников, и разговор за спиной на мгновение затих, чтобы взорваться приглушенным шепотом:

— ...она? — Да не, точно она. Серая мышь, глянь.

Я не прибавила шагу, хотя внутри всё кричало: «Беги!». Сделала вид, что не слышу, и пошла дальше по коридору, чувствуя, как вдоль позвоночника поднимается тошнотворное напряжение.

Машу с Леной я нашла у окна. Они стояли, тесно сбившись в кучу, и смотрели в экран телефона. Обычно их смех слышно за версту, но сейчас они переговаривались так тихо, будто делились государственной тайной.

Я уже собиралась окликнуть их, но замерла. Они меня не заметили.

— Подожди, тут ещё в «подслушке»... — Маша быстро листала экран. — Вот, смотри.

— Читай, — выдохнула Лена, воровато оглядываясь.

Маша хмыкнула и, понизив голос до заговорщицкого шепота, начала:

— «Волков что-то сдулся. На тусах не появляется, в гонках — тишина. Говорят, завис на одной первокурснице. На той самой, из эконома, которая вечно в коконе. Кто видел — поймёт. Ставлю сотку, что на этой неделе он её вскроет».

У меня внутри что-то с треском оборвалось. Я стояла, не смея дышать, чувствуя, как пол уходит из-под ног.

— Это же про неё, да? — Лена нервно сглотнула. — Про Зину?

Маша не ответила сразу, её палец снова дернулся по экрану.

— Тут еще комментарии... «Монашка. Всегда в одном и том же. Волков её пасёт уже три дня. Пока тихо, но это затишье перед бурей. Яр не умеет отпускать».

Лена шумно выдохнула:

— Мне это не нравится. Если он правда на ней зациклился... это добром не кончится.

Я стояла в трех шагах от них, и холод медленно вытеснял из меня жизнь. Слова из чата звучали так буднично, так просто, будто речь шла не о живом человеке, а о ставках на скачках, о сценарии фильма, финал которого всем заранее известен.

«Пока тихо, но это ненадолго».

Я сделала осторожный шаг назад. Мне не хотелось, чтобы они видели моё лицо. Не хотелось признавать, что это — реальность. Что я теперь не просто Зина из Верхнебора, а «кейс» для обсуждения в универе.

— Зин! — Маша вскинула голову, заметив движение.

Я вздрогнула. Они обе смотрели на меня виновато, испуганно, с какой-то новой, липкой жалостью в глазах.

— Ты... ты когда подошла? — Лена быстро спрятала телефон за спину.

— Только что, — мой голос прозвучал сухим шелестом. — Вы что-то обсуждали?

Они переглянулись. Секунда. Вторая. Пауза была слишком долгой, чтобы быть честной.

— Да так, — Маша фальшиво улыбнулась. — Ерунда всякая. Мемы в ленте.

Я кивнула, делая вид, что поверила. Но внутри не осталось места для сомнений. Это не просто «случайность» между мной и Волковым. Это клеймо. Публичное, жгучее клеймо.

Я опустила взгляд, чувствуя, как пальцы сами собой до боли сжимаются в кулаки внутри рукавов кардигана. И вдруг я поняла самую страшную вещь: в этом университете я больше не принадлежу себе.

Я та самая «монашка». Дичь, на которую открыл сезон Ярослав Волков. И все вокруг просто ждут, когда раздастся первый выстрел.

Физкультура стояла третьей парой. Я её никогда не любила. Слишком открыто, слишком много чужих взглядов и голых лодыжек. Слишком много... тела.

Сегодня спортзал казался раскаленной камерой. Мы подошли раньше, и из-за приоткрытых дверей вырывался гул мячей и резкие выкрики. Старшекурсники заканчивали тренировку.

— Подождем в коридоре? — Лена заглянула внутрь и тут же отпрянула.

Я кивнула, но ноги сами сделали шаг к щели в двери. Что-то потянуло меня туда, как магнитом.

Зал был забит до отказа. Движение, шум, энергия — всё смешивалось в один плотный поток. Я нашла его мгновенно. Он не работал на публику и не пытался казаться круче, чем есть, но вокруг него всегда оставалось чуть больше свободного места. Гравитация. Он притягивал все взгляды в зале, но физически люди держались на расстоянии, словно боясь попасть в поле действия его тяжелой, подавляющей силы.

Ярослав двигался с пугающей, звериной точностью. Мяч ударился о лакированный пол, прыгнул обратно, и он поймал его, не глядя, одной рукой. Плечи, напряженная спина, капли пота, блестящие на шее...

Я засмотрелась на секунду дольше, чем позволял мне инстинкт самосохранения.

Он резко обернулся, будто почувствовал мой взгляд на своих лопатках. Наши глаза встретились сквозь сетку и шум голосов. Я забыла, как дышать. Он не улыбнулся, не удивился. Он просто смотрел, оценивая мою нелепую застывшую фигуру в дверном проеме.

А потом, медленно уголок его губ дернулся вверх в едва заметной усмешке. И он, не разрывая визуального контакта, коротко, почти издевательски подмигнул мне.

Меня прошило мурашками. Не теми ванильными, из девчачьих романов, а ледяными, острыми, как иглы, которые впились в кожу от затылка до самых пят. Это был не страх, это был ужас от осознания собственной незащитности. Он не просто увидел меня, он пометил меня, как территорию, одним этим ленивым движением века. И самое страшное, внутри, где-то глубоко, под слоями правил и запретов, отозвалось что-то темное, неправильное, жаждущее огня.

Воздух в легких мгновенно стал слишком плотным, тягучим. По венам хлынул тяжелый, обжигающий свинец, заставляя пальцы онеметь. Стало невыносимо жарко, словно стены коридора начали медленно сжиматься, выталкивая меня вон. Я заставила себя оторваться от косяка и отступить в тень коридора.

— Пошли, — бросила я девочкам, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Но было поздно. Двери распахнулись, и поток парней хлынул наружу. Я вжалась в стену, надеясь стать прозрачной. Запах пота, дорогих дезодорантов и разогретых мышц заполнил всё пространство.

И вдруг мир замер.

— Осторожнее.

Голос ударил прямо над ухом, заставляя вздрогнуть. Я вскинула голову и почти уткнулась носом в его футболку, потемневшую от пота и сохранившую жар недавней тренировки. Он стоял слишком близко, на том опасном расстоянии, где заканчивается вежливость и начинается захват. Поток людей обтекал его, как вода обтекает скалу: в этом хаосе он был единственной неподвижной точкой, и никто не смел даже случайно задеть его плечом.

Я попыталась отступить, но лопатки встретили холодную стену. Тупик.

Ярослав опустил взгляд. Медленно, почти лениво он скользнул глазами по моим открытым коленям, по коротким спортивным шортам, которые я в этот момент возненавидела всем сердцем. Я почувствовала этот взгляд кожей, как физическое прикосновение. Он не просто осматривал, он присваивал, заставляя меня чувствовать себя почти обнаженной в этих проклятых шортах.

Он снова посмотрел мне в глаза. Уголок губ едва заметно дернулся.

— Не холодно? — спросил он тихо. В его голосе не было заботы. Так проверяют натяжение струны: не лопнет ли, если надавить еще чуть сильнее?

— Нет, — вытолкнула я из себя, надеясь, что он не слышит, как бешено колотится мое сердце.

— Яр, ты идешь? — крикнули из глубины коридора.

Он не повел и бровью. В этот момент Маша, стоявшая чуть поодаль, не выдержала напряжения и дернула меня за рукав:

— Ну пошли уже, мы опоздаем...

Ярослав перевел взгляд на Машу, потом снова на меня. В его глазах промелькнула тень досады, смешанной с азартом. Загадка оставалась неразгаданной.

Он смотрел на меня еще секунду, фиксируя, запоминая, «пришивая» мой испуг к этому коридору.

— Яр!

— Иду, — бросил он через плечо.

Он ушел, а я осталась стоять, буквально вдавленная в стену его присутствием. Воздуха катастрофически не хватало.

— Ты чего? — Маша тронула меня за руку. — Он что-то сказал?

— Нет, — соврала я, хотя у меня в ушах до сих пор звучал его тихий, вибрирующий голос.

Весь урок я двигалась как робот: наклоны, бег, растяжка... Преподаватель что-то кричал, девочки шушукались, но я была не здесь. Я кожей чувствовала фантомный взгляд. Даже когда зал опустел, мне казалось, что из каждого темного угла на меня смотрят его холодные серо-зеленые глаза.

Он не просто посмотрел, он забрал покой.

— Зин, — шепнула Лена, наклоняясь ко мне во время растяжки. — Ты же понимаешь, что это финиш? Это уже не просто случайность. Он выделил тебя.

Я до боли сжала пальцы на колене.

— Понимаю.

Но я лгала. Я не понимала ничего, кроме одного: он начал поворачивать ключ в замке, и я понятия не имею, какой зверь проснется внутри меня, когда двигатель заведется.

В раздевалке было шумно. Голоса, смех, хлопки железных шкафчиков, резкий запах дезодорантов: привычный фон, который обычно успокаивал своей будничностью. Здесь всё должно было быть знакомым и безопасным, но сегодня мир трещал по швам.

Я села на скамейку и начала медленно стягивать кроссовки, стараясь сосредоточиться на узлах. Шнурок. Петля. Пальцы предательски дрожали, отказываясь слушаться.

— Ты бледная как смерть, — Маша присела рядом, заглядывая мне в лицо. — Зин, всё нормально?

— Да.

Ответ сорвался с губ слишком резко. Ложь была такой явной, что я кожей ощутила, как Маша замерла. Я не поднимала глаз, но знала: она не поверила ни единому слову. Лена с грохотом закрыла свой шкафчик, заставив меня вздрогнуть, и обернулась к нам.

— Это из-за него? Из-за Волкова?

Я замерла, сжимая в руках кроссовок. Отрицать было бы проще, правильнее, но ложь застревала в горле.

— Я не знаю, — тихо ответила. — Наверное.

Они переглянулись. В этой паузе было слишком много несказанного.

— Ты же читала, что пишут в группе? — Маша понизила голос, будто Ярослав мог услышать её через бетонные стены.

— Нет.

Ложь была очевидной. Лена нахмурилась:

— Там уже ставки на тебя ставят. На полном серьезе, Зин. Это это просто мерзко.

— И что? — я попыталась выпрямиться, возвращая себе подобие спокойствия. — Это просто разговоры. Мало ли что пишут придурки в сети.

— Это не «просто разговоры», если за дело взялся он, — отрезала Лена. — Ты видела, как он на тебя смотрел? Он не просто прошел мимо, он выделил тебя из всех.

В раздевалке на мгновение стало слишком тихо, никто не стал спорить. Мы все понимали — она права. Ярослав Волков не тратит время на «просто так».

— Он просто... спросил, не холодно ли мне, — я достала из сумки чистую футболку, прячась за ней от их тяжелых взглядов. — И всё.

Маша коротко и зло фыркнула:

— Очень заботливо. Прямо рыцарь на железном коне.

— Может, ему вскоре надоест эта игра, и он переключится на кого-то другого, — добавила Лена.

Я резко встала, закидывая сумку на плечо. Внутри, за слоями страха, вдруг шевельнулось раздражение.

— Я не «что-то», что можно выбрать или на что можно переключиться, — бросила я.

Слова прозвучали жестче, чем я планировала, но этот протест был мне необходим, чтобы не рассыпаться.

— Конечно, — быстро поправилась Маша. — Я не это имела в виду.

Я вышла из раздевалки первой. В коридоре было прохладно и неестественно тихо. Пара еще не началась, но студенты уже разошлись по аудиториям. Мои шаги отдавались гулким эхом, и от этого одиночества становилось только неуютнее.

Нужно просто дойти до лестницы, просто успокоиться. Ничего не произошло. Только взгляд. Только подмигивание. Только этот вибрирующий голос...

Я остановилась, когда ощущение чужого взгляда вонзилось в меня резким ударом тока. Медленно обернулась. Он стоял чуть в стороне, прислонившись спиной к широкому подоконнику. В руках — зажигалка, которую он вертел между пальцами. Как будто он был здесь всё время. Как будто он точно знал, когда я выйду.

Я не двинулась с места. Сердце в груди сделало кульбит и затихло. Прошло секунды две, не меньше. Ярослав не подходил, а просто смотрел спокойно и изучающе, как инженер смотрит на деталь, которую собирается разобрать. Он смотрел так уверенно, словно исход нашей схватки был для него давно решенным делом, а я лишь по инерции продолжала сопротивляться очевидной правде.

Я первая отвела глаза, не выдержав этого давления. И пошла дальше — нарочито медленно, хотя всё внутри кричало о побеге. Я чувствовала его взгляд каждым позвонком, словно

он прикоснулся к моей спине раскаленным металлом. Он не окликнул меня и не сделал шага вслед.

Но когда я свернула за угол, я привалилась к стене и выдохнула так, будто пробежала марафон. И в этот момент пришла одна простая, пугающая мысль: это не закончится само. Он не отстанет, потому что он даже не начинал по-настоящему.

Глава 6.

Ярослав.

В гараже стояла правильная тишина. Не та стерильная пустота университетских аудиторий, от которой ломило зубы, а густая, рабочая атмосфера. Запах отработки, старого железа и бензина вьелся в кирпичные стены и мою кожу, и это устраивало меня куда больше, чем приторный парфюм в коридорах корпуса.

Я завис над разобранным движком, лениво перекатывая в пальцах болт. В глубине бокса мерно капала вода. Этот ритм помогал выстроить мысли в одну прямую линию.

Обычно универ выветривался из башки через десять минут после того, как я заводил байк. Лица, пустые терки, чьи-то нелепые попытки привлечь внимание, всё это было просто фоновым шумом. Скучная декорация. Но сегодня что-то заклонило. Я отложил болт и провел ладонью по затылку, размазывая по коже остатки масла.

Мурашки.

Я коротко усмехнулся в темноту гаража. Смешно. Я видел сотни реакций. Девчонки как открытые схемы: кто-то фальшиво краснеет, кто-то ломается для вида, кто-то заранее выставляет ценник. Всё читается еще до того, как ты заходишь в их зону.

А тут системный сбой. Она не играла. И, что самое интересное, она себя не контролировала. Тело выдавало ответку на долю секунды раньше, чем мозг успевал врубать привычные фильтры. Чистый инстинкт.

Я чуть прищурился, проходясь языком по верхним деснам, словно проверяя остроту собственных клыков, и прокручивая в памяти тот момент у стены. Не её слова, в них не было веса, и даже не испуг в глазах. Меня зацепила биология. То, как её кожа отозвалась на мой голос. Это было... честно. А честность в наше время слишком дорогой и редкий материал.

Я вытер руки ветошью и оперся о верстак, глядя на потроха мотора. В этой девчонке не было ничего из того, на что я обычно «покупаюсь»: ни шпилек, ни боевого раскраса, ни желанья понравиться. В ней не было даже того понятного страха, который легко превратить в покорность. Она просто не вписывалась в общую схему.

Я не собирался бегать за ней. У меня были дела поважнее: ночные заезды, заказы, работа в боксе. Жизнь шла своим чередом, по привычному треку. Но Монашка начала появляться сама. Не в смысле «подходить», на это у неё бы не хватило смелости. Она начала... повторяться в коридорах, в аудиториях, на лестничных пролетах.

Я не выслеживал её специально, но мой мозг, привыкший замечать малейший стук в двигателе, непроизвольно фиксировал её присутствие. Предсказуемый маршрут, зажатые плечи, какая-то ненормальная чистота. Среди всего этого человеческого мусора она смотрелась как деталь, которую по ошибке закинули не в тот ящик.

И теперь мне чертовски хотелось узнать, что произойдет, если я приложу чуть больше усилия. Сломается она или... зазвучит по-другому?

Я заглушил мотор, но шлем снимать не спешил. В этом «скафандре» мир кажется другим, отфильтрованным через визор, тихим и предсказуемым. Я был наблюдателем, а они — копошащимися внизу муравьями.

Взгляд привычно сканировал двор. Искать долго не пришлось. Её «серая» аура выделялась в толпе, как пятно масла на чистом асфальте. Она стояла в стороне, под деревом, и я почти физически чувствовал, как её взгляд сверлит мой затылок: пялилась, пыталась разгадать, что под шлемом.

Я снял его медленно, зацепил за ручку байка. Кожа куртки скрипнула, когда я спрыгнул на землю. Тряхнул головой, приводя волосы в порядок, и пошел ко входу. Внутри уже разворачивался привычный азарт охоты.

Я ни разу не посмотрел в сторону того дерева. Игнорировать её сейчас было куда приятнее. Я знал: чем меньше я даю ей внимания, тем глубже она будет вгрызаться в меня глазами. Пусть привыкает к мысли, что я центр её мира, даже если я на неё не смотрю.

— Здорово, — я вплелся в круг своих. Кивок Макс, хлопок по плечу Кириллу. Обычный утренний шум, который я пропускал мимо ушей, сосредоточившись на внутреннем напряжении.

Я достал пачку, вытянул сигарету. Щелчок зажигалки, и горький дым смешался с холодным воздухом.

— Макс, там Монашка под деревом всё еще дыру во мне прожигает? — бросил я вполголоса.

— Ага, глаз не отрывает, — усмехнулся тот.

Я хохотнул, выпуская плотное облако дыма. Она думает, я не чувствую? Думает, я не знаю, как она пытается считать мой код?

— Ладно, пусть пока поварится, — я окончательно отбросил мысль о ней. Ожидание — самая вкусная часть охоты.

Учеба шла фоном, как помехи на радио. Я не вникал. Мысли возвращались к ней: к той реакции в столовой, к мурашкам, к тому, как она смотрела сейчас. Это было... по-настоящему, и это цепляло.

Когда лекция закончилась, я вышел первым. Привалился к стене, сложив руки на груди. Выцепил её в толпе мгновенно. Она стояла у подоконника, маленькая, неприметная в своем вечном коконе-кардигане, а рядом этот... веснушчатый щенок.

Наблюдать за ними было тошно. Этот тип лыбился ей так, будто она единственное светлое пятно в его никчемной жизни. Но главное — рука. Он уверенно, почти по-хозяйски положил ладонь ей на плечо. Наклонился, что-то шепча, и она слегка покраснела.

В груди ударило резким, ледяным гневом. Это не была ревность. Для ревности нужно признать её право на выбор, а я этого права ей не давал. Это был чистый инстинкт собственника. Я уже настроил эту «струну» на свой лад, я заставил её резонировать от моего дыхания, а теперь этот недоумок лезет в мой механизм своими грязными руками.

Я ведь уже пометил её. Там, в столовой, я оставил на ней невидимый след. Она стала моей территорией, а этот парень бесцеремонно нарушал границы моей зоны влияния.

— Макс, — я кивнул в их сторону. — Срисовал?

— Вижу. Раздражает?

— Излишне.

— Обломать его?

Я чуть прищурился.

— Нет. Пока нет.

Я смотрел, как они направляются к дверям. Веснушчатый обнял её за плечи. Слишком свободно. Слишком смело для того, кто вообще не втыкает, во что вляпался.

— Пойдем.

Я выстроил траекторию так, чтобы пройти вплотную. Не глядя на неё, я жестко, плечом в плечо, задел этого щенка. Удар был выверен: ровно столько силы, чтобы этот придурок пошатнулся, а его рука сама слетела с её плеча.

Я почувствовал, как он замер. Вся его напускная уверенность выветрилась в одну секунду. Он знал, кто я. В этом универе фамилию «Волков» произносили шепотом. Ему было не до дерзости, он просто вжался в стену, стараясь стать невидимым.

Я не оборачивался. Зачем? Я чувствовал его страх кожей. Одного движения хватило, чтобы напомнить псу его место.

В столовой я почти не чувствовал вкуса еды. Черный кофе, обжигающий и горький, заходил идеально. Я не сводил глаз с их столика. Щенок снова тянулся к ней. Слишком часто он ошивался на моей территории, которую я уже обвел жирным маркером.

Когда они встали, я подождал пару секунд и двинулся следом, держась в тени. Они шли по аллее, не подозревая, что я считаю каждый их шаг. Она куталась в кардиган, ветер усилился, а этот урод снова попытался сократить дистанцию.

Они свернули к лавке под старым кленом. Глухой угол, закрытый стенами корпуса. Идеальное место, чтобы расставить точки.

Я шел не торопясь, нарочито расслабленно. Ветер доносил обрывки их трёпа, но мне было плевать на слова. Я видел, как она наконец-то опустила плечи, решив, что она в безопасности. Глупая. Безопасности для неё больше не существует.

Пора.

Я прибавил ходу. Гравий под ботинками заскрипел, предупреждая о моем приближении, но они были слишком заняты своей ванильной идиллией. Я встал вплотную, перекрывая им свет. Тень от моей куртки накрыла лавку, как черная метка.

Рюкзак этого щенка валялся прямо у моих ног. Идеальная зацепка. Я демонстративно опустил тяжелую подошву берца прямо на ляжку, впечатывая дешевую ткань в пыль.

— Убери с прохода, — бросил я, глядя куда-то поверх их голов. — Тут люди ходят, а ты мусор разбрасал.

Веснушчатый вздрогнул. Посмотрел на мой ботинок, который намертво пригвоздил его вещи к земле.

— Ой, извини... сейчас, — он потянулся к рюкзаку, дернул.

Я даже не шелохнулся. Просто перенес вес на одну ногу, чувствуя, как натягивается материал. Он дернул сильнее, покраснел, на лбу выступила испарина. Жалкое зрелище. «Мотор глохнет, парень, — пронеслось в голове, — ты даже сцепление выжать не можешь».

— Я сказал: убери, — мой голос упал на пару тонов ниже. — Или ты туго соображаешь? С ручника снимись, пока не въехали.

Он продолжал копать в пыли у моих ног, беспомощно задирая голову. Я почти физически наслаждался этим микро-унижением. Демонстрация того, кто здесь владеет пространством, а кто просто помеха на пути.

— Перестань!

Голос Монашки звякнул, как брошенный на бетон ключ. Она вскочила. Кулаки сжаты, плечи дрожат, но она шагнула вперед, пытаясь закрыть собой своего недоумка. В глазах светилось какое-то бешеное, колючее возмущение.

— Тебе делать нечего? — спросила она. Её голос чуть сорвался. — Он пытается убрать. Отодвинь ногу!

Я медленно перевел взгляд на неё. Рассматривал долго, в упор. Бледная, губы поджаты, но стоит насмерть. Маленькая птица, решившая, что может остановить камнепад.

— А ты у нас храбрая, да? — я криво усмехнулся, наконец убирая ногу.

Я коротким, брезгливым движением пихнул рюкзак носком ботинка, отправляя его в недалекий полет. Тот чуть отлетел в сторону, ударившись об ногу парня.

— Как тебя зовут, защитница? И твоего пса?

Я шагнул в её личную зону. Вплотную. Между нами осталось сантиметров двадцать, не больше. Я чувствовал тепло, исходящее от её кожи, и запах... чего-то простого, мыльного. Без всяких этих магазинных отдушек. Она не отступила, хотя я видел, как тяжело вздымается её грудь под кардиганом.

— Зина, — ответила она. — А это Андрей. А теперь, будь добр, уйди.

Я замер. В голове на секунду воцарилась тишина, а потом меня накрыла волна искреннего, почти истерического веселья.

Зина. Я прищурился, примеряя это имя к её лицу. Почти неделю я тёрся поблизости, но был в полном информационном вакууме. Никто, ни Макс, ни Кирилл, ни те сопливые первокурсники, что обычно сливают любую инфу за один мой кивок, ни разу не произнесли её имя в моем присутствии. Оно не прозвучало в коридорах, не всплыло в чьем-то трёпе, даже преподы, казалось, обращались к ней кивком головы. Словно реальность вокруг неё работала в режиме «без звука» и специально скрывала от меня этот чертов файл.

И вот теперь этот «пароль» взломан.

Вокруг сплошные Кристины, Элины и прочий глянцево-пластиковый мир. А тут — Зина. Раритет. Пожелтевшая открытка из архива. Я хмыкнул, а потом меня прорвало. Я откинул голову и громко, жестко рассмеялся, так, что птицы на клене брызнули в рассыпную.

Это имя было идеальным изъяном. Оно не подходило ей так же сильно, как она сама не вписывалась в этот город.

— Зина?.. — я выдохнул это имя, смакуя его, как дешевое крепкое вино. — Серьезно? Зина?

Я сделал еще шаг, заставляя её задрать голову до упора, чтобы видеть мои глаза.

— Слушай, «защитница», тебя родители на спор так называли? Или это родовое проклятие? — я склонился к её уху, переходя на опасный шепот. — Ты хоть понимаешь, насколько ты нелепа с этим именем в этом мире?

Я мазнул взглядом по Андрею.

— Слышал, Андрейка? Зина. Звучит как название старого холодильника или кличка козы в деревне. Тебе самому-то не смешно с ней за ручку ходить?

Я резко оборвал смех. В глазах застыл холод. Имя стало отличным рычагом. Я видел, как она вздрогнула от моего презрения.

— Знаешь, Зина, — я растянул губы в оскале, — я думал, ты хотя бы «Алиса» или «Ника». Что-то, что стоит усилий. А ты — Зина. Будто бабушкин сундук открыл, а там нафталин. Даже обидно.

Я видел, как она задыхается от ярости. Она была готова ударить.

— Ну же, Зина, — я лениво, кончиком пальца коснулся её плеча, ровно там, где секунду назад была рука этого щенка, и с нажимом провел вниз. — Скажи что-нибудь еще. Мне нравится, как звучит твой голос, когда ты пытаешься противостоять шторму.

Я наклонился к самому её уху, обжигая дыханием холодную кожу:

— И запомни мой голос. Каждую интонацию, предназначенную только для тебя. Тебе придется реагировать очень быстро, когда я решу тебя позвать.

Андрей дернулся, но я даже не обернулся. Пес на привязи не кусает. Девчонки на лавке вжались в спинку, превратившись в декорации.

— А у вас как, девчули? — я оскалился в их сторону. — Вас тоже родители на спор так «наградили»?

— Маша — пискнула одна.

— Лена, — выдохнула вторая.

Я снова посмотрел на Зину и картинно вздохнул.

— Видишь, Зи-на? Нормальные девчонки. Маша, Лена. Понятные модели. А ты — выкопанный архив. Ладно, малышня, увидимся.

Я развернулся к ним спиной, чувствуя себя хозяином положения. Но прежде чем уйти, бросил через плечо:

— И да, Андрейка... Хватит лапать Зину. Мне это не нравится.

Я шел по аллее, не оборачиваясь. Внутри вибрировало то самое состояние, собранное и ровное. Фигуры расставлены. Первый ход прошел мимо цели, зато второй попал прямо в сердцевину. На секунду остановился, вспоминая финальный штрих:

— Мурашка... До встречи.

Слово повисло в воздухе, липкое и тягучее.

Я свернул к парковке. Скука, которая обычно тянулась фоном, не вернулась. И это уже было сигналом. Я не влюбился, боже упаси. Но я зацепился. Не за неё даже, за процесс, за задачу. Что было непривычно, так это моя собственная реакция. До этого никто не выбивал меня из схемы. Никто не заставлял останавливать момент и прокручивать его снова. А тут пришлось. Это делало её полезной, а новое я никогда не игнорировал.

Такие не ломаются сразу. С такими интереснее и дольше. Теперь мне чертовски хотелось узнать, сколько еще атмосфер выдержит этот «бабушкин сундук», прежде чем его разнесет в щепки.

Зина.

Тишина, оставшаяся после него, была тяжелее грома. Я сидела, вцепившись в край лавки так, что дерево впивалось в ладони. Воздух всё еще казался отравленным: едкий парфюм, дорогой табак и какой-то металлический привкус опасности.

Лена замерла, глядя в одну точку.

— Он он больной, — прошептала Маша. Её голос вибрировал от такой паники, что меня саму начало колотить. — Зин, он ненормальный! Ты видела его глаза? В них же вообще ничего человеческого.

Я не могла ответить. В ушах до сих пор набатом било это липкое «Мурашка». Слово проникало под кожу, как паразит, вытесняя все остальные мысли.

Андрей. Я повернулась к нему и почувствовала, как сердце сжимается от жалости и... разочарования. Он сидел, сторбившись, изучая шнурки своих кед. Тот самый «безопасный» Андрей, с которым было так спокойно пить чай и обсуждать конспекты. Сейчас он выглядел раздавленным. Его веснушки на мертвенно-бледном лице казались грязными пятнами. Он не смел поднять глаз.

— Андрей — тихо позвала я.

Он вздрогнул. Когда наши взгляды встретились, я увидела там бездонное унижение.

— Зин, прости, — выдавил он. Голос, слабый и дребезжащий, окончательно похоронил тот образ защитника, который я пыталась в нем разглядеть.

— Я... я не хотел, чтобы так вышло.

— Да при чем тут ты?! — всхлинула Лена, внезапно срываясь на рыдания. — Он просто подошел и... он даже не спрашивал! Кто он вообще такой?!

— Волков, — выдохнула Маша, озираясь по сторонам, будто он мог материализоваться из теней клена. — Его все знают. Он делает что хочет. Господи, Зин, почему он прицепился именно к тебе? Что ему надо?

Я наконец заставила свои пальцы разжаться. Они одеревенели и кололи тысячами иголок.

— Он не пристал, — мой голос прозвучал чужим, сухим, как шелест опавшей листвы. — Он просто решил поиграть. Ему скучно, Маш.

— Нам надо уйти, — Андрей поднялся. Он попытался взять меня за руку, но я инстинктивно отпрянула.

— Не надо, — отрезала я резче, чем хотела. — Андрей, не трогай.

Я смотрела на них и понимала страшную вещь: рядом со мной им больше не будет безопасно. Теперь за мной всегда будет тянуться невидимый шлейф его присутствия. Он поместил меня как цель, и каждый, кто окажется в радиусе поражения, автоматически попадает под прицел.

— Зин, ты как? — Лена вытерла слезы, вглядываясь в моё лицо. — Ты вся белая.

— Я хочу домой, в тишину.

— Мы тебя проводим, — твердо сказал Андрей, пытаясь собрать остатки достоинства. Но его плечи всё еще были втянуты в туловище, как у побитого пса.

Я посмотрела на пустую аллею. Где-то там, в недрах университета, был он: человек, который за десять минут превратил мой упорядоченный мир в дымящиеся руины. «Зина», — эхом отозвалось в голове. Это имя из его уст звучало как приговор.

— Ребята, послушайте... — я заставила себя смотреть им в глаза. — Это не шутки. Если он действительно... вцепился, вам лучше отойти. Если он увидит, что я одна, может, он оставит вас в покое? Я не хочу, чтобы вы страдали из-за меня.

Андрей первым сделал шаг ко мне. Его лицо всё еще было бледным, но он выпрямился.

— Зин, ты за кого нас принимаешь? — он почти возмущенно мотнул головой. — Думаешь, мы тебя бросим? Раз он лезет, значит, мы тем более будем рядом. Разделим этот его «всплеск» на всех. Мы своих не бросаем.

Маша и Лена тут же сгрудились вокруг, создавая подобие живого щита.

— Конечно! — Маша вцепилась в мою ладонь. — Нам страшно до чертиков, ты же видела, на что он способен. Но вместе... вместе не так тошно.

Лена вдруг замолчала и начала внимательно меня разглядывать. Она нахмурилась, прикусив губу.

— Зин... Слушай, а может, дело в этом? — она кивнула на мой растянутый серый кардиган, в который я куталась, как в панцирь. — Ты выглядишь так, будто сама умоляешь быть невидимой. Ты... ты как идеальная жертва.

— О чем ты? — я непонимающе поправила воротник.

— О том, что ты вся какая-то приглушенная, — Лена подошла ближе, поправляя мне одежду. — Давай сменим стиль? Купим что-то яркое, уверенное. Ты же красивая, если на тебя смотреть, а не мельком видеть! Сделаем прическу. Может, если ты перестанешь выглядеть как монашка, он поймет, что ты не добыча, которую можно запугать?

— Вы правда думаете, что хищника можно отпугнуть другим цветом шерсти? — мой голос прозвучал почти испуганно.

— Дело в том, как ты себя несешь, — отрезала Маша. — Ты сейчас ходячая мишень. Давай попробуем? Пойдем завтра по магазинам.

Я посмотрела на свои руки, на этот старый кардиган. Может, они правы? Может, если я стану другой: колючей, яркой, чужой, этот «волчий» интерес перегорит?

Я покачала головой, чувствуя, как ледяной ужас внутри начинает кристаллизироваться в упрямство.

— Кардинально я не смогу, — отрезала я. — И денег у меня немного. Те, что на день рождения подарили... видимо, этот момент настал, пушу их на одежду.

Я подняла взгляд на подруг.

— Насчет косметики — забудьте. Родители устроят допрос с пристрастием, а мне только лишнего шума дома не хватало. Но одежда... хорошо. Пусть будет что-то более... собранное. Чтобы я перестала быть фоном.

Лена вздохнула, но кивнула.

— Ладно. Без макияжа так без макияжа. Главное — силуэт. Мы найдем что-то такое, что не кричит, но заставляет выпрямить спину. Ты должна выглядеть так, будто у тебя внутри стальной стержень, а не вата.

— Главное, чтобы удобно было, — добавил Андрей. Кажется, план «шопинга» немного вернул ему почву под ногами. — Если мы будем выглядеть как люди, а не как напуганные первокурсники, может, он не будет так явно давить?

Я горько и безрадостно усмехнулась.

— Ты правда веришь в это, Андрей? Он охотник. Ему плевать, во что одета добыча. Ему важно, что она — добыча. Но... если это поможет мне перестать чувствовать себя овцой, за которой пришел волк, я согласна.

Мы поднялись почти одновременно. Друзья окружили меня плотным кольцом. И пусть это не было реальной защитой от того, кто чувствует власть кончиками пальцев, но присутствие Лены, Маши и даже притихшего Андрея давало призрачную иллюзию того, что я не одна в этой клетке.

Ярослав.

Чат детонировал быстрее, чем я ожидал. Я даже не доставал трубу, Макс подsunул свой экран, криво усмехнувшись.

Скрины, обрывки фраз, какой-то левый базар. Сплетни множились, как бактерии в чашке Петри: *«Волков опять кого-то прессанул»*, *«Бедный пацан, прилетело ни за что»*, *«А эта как её странная вообще»*, *«Он на неё запал, что ли?»*.

Я пролистал ленту, не задерживаясь на деталях. Смешно. Стадо всегда пытается упростить всё до примитива. Разложить сложную задачу по знакомым, пыльным схемам. «Запал» — ну это вообще финиш, тупее не придумаешь. Этим оленям даже в голову не залетает, что мне не нужно её тело. Мне нужно понять, как она устроена, чё у неё там в башке за настройки такие. Вскрыть систему.

Я закрыл чат. Мне было плевать на их реакцию. Максимум это просто шум на заднем плане. Белый шум, под который проще сосредоточиться на главном.

Гораздо интереснее было другое: почему меня самого до сих пор не отпустило?

Обычно после такого цирка я выкидываю эпизод из башки, как отработанный фильтр. Но сейчас я раз за разом возвращался к моменту, где она просто стояла. Маленькая, бледная, с этим дурацким именем «Зина», которое теперь застряло у меня в мозгах, как заноза.

Она стояла и держала удар. Не истерила, не лезла в драку, не закрывала лицо руками. Она сдерживала внутренний взрыв с такой силой, что воздух вокруг неё буквально вибрировал.

Я усмехнулся себе под нос, натягивая перчатки. Вот это уже было ближе к делу. Это не просто серая мышь под плинтусом. Это механизм с колоссальным внутренним давлением. И теперь мне до зуда в ладонях хотелось узнать: где у этого механизма предел. При какой нагрузке её стержень наконец-то лопнет?

Я завел байк. Рев мотора на мгновение вышиб лишние мысли, но образ этой Монашки, защищающей своего щенка, остался перед глазами. Она реально думает, что спряталась за друзьями. Думает, что имя — это всё, что я у неё отжал.

Наивная. Я только начал демонтаж её реальности.

Зина.

Я не собиралась к нему подходить. В голове стоял железобетонный запрет: не смотреть, не приближаться, не выделяться. Выключить в себе всё, что может подать сигнал. Стать серым шумом.

Но «система» внутри меня уже дала сбой. Слово «Мурашка» впилось под кожу, как рыболовный крючок с зазубринами. Я не могла «не думать». Я кожей чувствовала вибрации коридора, шаги, тембр его голоса, который перекрывал весь остальной гул. Это бесило, это пугало.

Я встала раньше, чем успела себя остановить.

— Я сейчас, — бросила я подругам, уходя в прохладу коридора.

Я шла вдоль стены, пока не увидела их. Ярослав стоял у окна, высокий, в черной коже, окруженный своей свитой. Макс и Кирилл лениво перебрасывались шутками, периодически взрываясь громким, нарочито развязным смехом. Весь коридор вокруг был просто фоном для их компании, люди обходили их по широкой дуге, стараясь не встречаться взглядами.

Я остановилась прямо перед ним. По загревку пробежал холод: я заметила, как разговоры парней мгновенно стихли. Макс замер с зажигалкой в руке, Кирилл выпрямился, предвкусно сощурился. Для них я была не человеком, я была развлечением, которое само пришло в руки их лидеру.

— Опа, — негромко протянул Кирилл, пихнув Макса локтем. — Смотри-ка, Монашка сама к исповеди пришла.

Ярослав не обернулся на их смешки. Его взгляд уже был пригвожден к моему лицу. Он ждал.

— Что тебе нужно? — мой голос прозвучал сухим надтреснутым льдом.

Парни за его спиной переглянулись. Кирилл картинно приложил руку к сердцу, изображая испуг, а Макс тихо, по-крысиному ухмыльнулся:

— Слышь, Яр, а малая-то борзая. Кидается. Может, проучим, а то она края вообще не видит.

Волков даже бровью не повел. Он сделал один короткий шаг. Дистанция схлопнулась. Я почувствовала, как парни за его спиной негласно замкнули круг, отсекая меня от остального коридора. Теперь я была одна против всех них.

— Ничего, — спокойно сказал он, глядя мне прямо в губы.

— Тогда зачем это всё? Зачем ты лезешь?!

За моей спиной тут же послышался приглушенный свист Кирилла:

— У-у-у, пошла жара...

Ярослав предостерегающе вскинул ладонь, не оборачиваясь, одним этим жестом заставляя своих замолкнуть. Тишина в коридоре стала вакуумной, давящей. Яр чуть склонил голову, и в его глазах вспыхнул тот самый опасный азарт.

И вдруг... его ладонь, только что висевшая в воздухе командой для парней, приблизилась к моему лицу. Я даже не успела вскрикнуть. Его пальцы коснулись моего лица. Не грубо, а пугающе нежно. Он провел большим пальцем по моей щеке, почти невесомо, но я почувствовала весь рельеф его пальца, словно он не просто касался, а выжигал на моей коже невидимое клеймо. Он проверял мою реакцию, мою проводимость.

Тело предало меня мгновенно. Мурашки — жесткие, колючие, как разряд в несколько тысяч вольт, прошили меня от макушки до пят. Я дернулась, но он перехватил мою челюсть, не давая отвернуться. Его пальцы чуть сильнее впились в кожу, фиксируя мою дрожь. Его взгляд потемнел, становясь почти черным.

Я почувствовала, как Макс и Кирилл замерли, жадно впитывая каждый сантиметр этой сцены. Для них это было кино, для меня — пытка.

— Резонируешь, — прошептал Ярослав. — Чистая... Без примесей.

Я дернулась от разряда мурашек под кожей, и за спиной Ярослава раздался довольный смешок Макса:

— Глянь, Яр, она аж подпрыгнула. Наэлектризованная какая. Может, заземлить надо?

Их комментарии били наотмашь, делая ситуацию еще более грязной и унижительной. Я почувствовала себя лабораторной мышью, которую препарируют на глазах у толпы.

— Убери... руку, — выдавила я.

Голос подвел. Он стал тихим, влажным, чужим. Ярослав не убрал сразу. Он выждал секунду, другую, давая мне допить этот яд до дна. Чтобы я осознала: я не контролирую даже собственные мышцы, когда он рядом.

Потом он медленно отнял руку, но не отступил ни на сантиметр.

— Я не играю в это, — я попыталась восстановить оборону, но стена уже рухнула. — Если тебе что-то нужно, скажи прямо. И оставь меня в покое.

Он усмехнулся одними уголками губ. Наклонился к самому моему уху, так что я почувствовала жар его кожи.

— Уже сказала, — выдохнул он, и его голос коснулся мочки уха, вызывая новую волну ледяного пота.

— Что?.. — я едва шевельнула губами.

— Всё. Ты уже сказала мне всё, Зина. Твоё тело кричит громче, чем ты сама.

Он отстранился мгновенно, вычеркивая меня из реальности. Парни тут же «оттаяли». Кирилл хлопнул Ярослава по плечу, загородив меня своей широкой спиной, а Макс, проходя мимо, нарочно задел меня локтем, будто я неодушевленный предмет.

— Пошли, Яр, — бросил он, даже не глядя в мою сторону. — Дела не ждут.

Они двинулись прочь, смеясь и обсуждая какие-то гонки, словно и не было этого минутного надлома. Словно они не уничтожили меня только что.

Я осталась стоять посреди коридора. Кожа на щеке горела, сердце билось в горле, сбитое, безумное. Воздух возвращался в легкие рывками.

Стало не просто хуже. Стало страшно. Потому что он не просто напугал меня, он показал мне, что внутри меня живет кто-то другой. Кто-то, кто жаждет его ледяного прикосновения.

Ярослав.

Я не думал, что она сама ко мне подрулит. В мои расклады это не вписывалось. Но когда она замерла передо мной в этом гудящем коридоре, я понял: так даже лучше. Не потому, что процесс ускорился. Просто она вышла сама.

Её пригнал сюда «коротыш» в системе. И это меняло всё.

Я почти не слушал, чё она там несла. Претензии, вопросы — всё это было лишь фоновым шумом, шелестом ненапрянутого ремня ГРМ. Важно было другое: я видел, как она держится. Как отчаянно цепляется за остатки контроля. И как этот контроль утекает сквозь пальцы, капля за каплей.

Реакция на прикосновение была мгновенной. Мощный импульс без сопротивления. Чистая физика. Её тело выдало ответ быстрее, чем нейроны в голове успели сообразить, чё происходит. И это было... правильно. Так звучит металл, когда под нагрузкой в нем обнаруживается скрытая трещина. Ты её не видишь, но по звуку уже знаешь — там надлом.

Я не давил. Слишком рано для предельных нагрузок. Я дал ровно столько тока, чтобы система заискрила, и сразу разомкнул цепь. Когда я отвернулся, я кожей чувствовал, что она осталась стоять на месте. Не ушла, не сбежала. Зависла как комп после критической ошибки.

Она не из тех, кто просто пугается. Она из тех, кто будет прокручивать этот момент в голове, пока предохранители не вылетят нахрен.

Я вышел на крыльцо, выудил пачку. Щелчок зажигалки, и горький дым заполнил легкие. Внутри было непривычно спокойно. Никакого перегрева, никакой суеты. Макс и Кирилл что-то гоготали за спиной, пытаясь общутить Монашку, но я осадил их одним взглядом.

— Тормозите, — бросил я небрежно. — С этой темой я сам разберусь.

Они понимающе переглянулись и переключились на гонки. Свои всегда просекают, когда вожак пометил территорию и в чужих советах не нуждается.

Я выдохнул дым в холодный воздух. Я не думал о том, как её «поймать» или грубо сломать. Это было бы слишком мелко, скучно. Как разобрать замок молотком.

Я думал о другом: она резонирует. Ответка у её нестандартная, глубокая. С ней можно работать. Можно слой за слоем снимать этот её серый лак, пока под ним не покажется живое пламя. Я не собираюсь торопиться. Пусть сама делает шаги. Пусть думает, что это её выбор.

Разборка этой «Зины» только началась. И, кажется, это будет самый интересный проект за сезон.

Глава 7.

Зина.

Вечер прошел в суете, которая казалась мне сейчас какой-то нереальной. Пока мама разливала чай, я решила. Это был мой первый шаг, самый простой, но важный.

— Мам, пап, — я старалась говорить как можно спокойнее, ковыряя вилкой в тарелке. — Я завтра приеду чуть позже, на следующем автобусе. Договорились с девчонками... по магазинам сходить.

Отец оторвался от новостей в телефоне и удивленно поднял бровь. Мама замерла с чайником в руках.

— По магазинам? — переспросила она, и в её глазах мелькнуло что-то похожее на радость. — Зиночка, это же замечательно! Ты ведь почти никуда не ходишь.

— Да, — я вздохнула, придерживаясь той самой версии. — В универе все такие... современные, красивые. А я в своем кардигане как будто из другой эпохи. Чувствую себя неловко. Хочу просто что-то нормальное купить, чтобы не выделяться, как белая ворона. Быть как все, понимаете?

Мама улыбнулась, мягко коснувшись моей руки:

— Конечно, дочка. Правильно. Девушка должна выглядеть опрятно. Не броди там допоздна, но купи себе что-нибудь приличное. Деньги с подарка на день рождения как раз пригодятся.

Я кивнула, чувствуя укол совести. Я ведь собиралась купить не приличное, а «защитное».

Когда я закрылась в своей комнате, телефон замигал: видеовызов от Димы. Я быстро смахнула слезы, которые невольно выступили на глазах от одного вида его улыбки, и ответила. На экране появился Димка, он сидел в своей общаге, на фоне виднелись разбросанные учебники.

— Привет, моя хорошая! — он широко улыбнулся, и мне на секунду стало легче. — Что такая грустная? Устала в своем универе?

— Да, — я выдавила слабую улыбку. — Слушай, Дим, я завтра с девчонками по магазинам иду. Хочу гардероб немного сменить, а то я тут... ну, как-то совсем в библиотечный стиль ушла.

— О, круто! — Дима воодушевился, не заметив, как дрогнул мой голос. — Давно пора, а то ты всё со своим строгим луком, будто на работу в министерство ходишь. Ты у меня и так красивая, но новый стиль — это интересно... Только не переусердствуй там, а то не дай бог придётся приезжать и объяснять местным, чья ты красotka. Обязательно сфоткайся и покажи, что выберешь, ладно? Хочу видеть тебя обновленную.

— Обязательно, — пообещала я, глядя в экран.

Дима не знал про Волкова. Он не знал, что я боюсь выйти из корпуса, что у меня внутри всё дрожит от страха. Я не хотела говорить ему, он бы тут же сорвался с места, приехал, ввязался в драку... А я знала: против таких, как Ярослав, Димка не выстоит. Не потому что он трус, а потому что он обычный, нормальный парень, а не хищник.

Лекции сегодня пролетели незаметно. Обычно я не фанатка нудных экономических теорий, но сегодня профессор читал так увлеченно, что я даже забыла про все свои страхи. Графики, рыночные механизмы, анализ спроса — это был мой мир, логичный и предсказуемый. В аудитории я чувствовала себя на своем месте: умной, способной, настоящей. Здесь я была студенткой, которая понимает, как устроена жизнь.

Началась перемена. Лена и Андрей, увлеченные спором с профессором, остались у кафедры, тот попросил их помочь с документами. Машка, которая последние полчаса ерзала на стуле, едва дождалась конца лекции и с виноватым видом прошептала:

— Зин, я пулей в туалет! — и вылетела из аудитории, как пробка из бутылки.

Я вышла в коридор одна. И именно здесь, когда за спиной не было привычного шума друзей, иллюзия защиты рассыпалась.

Ярослав стоял, небрежно вертя ключи на пальце, и смотрел на меня так, будто весь коридор принадлежал только ему. Толпа вокруг замедлилась, кто-то даже остановился, предвкушая шоу. Он специально повысил голос, чтобы все слышали.

— Кузнецова! — повторил он, растягивая слоги с издевательской лаской. — Ого. Зинаида собственной персоной.

Он сделал шаг вперед, медленно оглядывая меня с ног до головы.

— Смотри-ка, — он чуть наклонил голову, усмехаясь уголком рта. — Всё та же монашка. Только сегодня взгляд какой-то... виноватый. Чего, Зинаида, всю ночь ворочалась, вспоминала, как я тебя в столовой «Мурашкой» назвал? Или уже репетируешь, как завтра от меня по кустам шкериться будешь?

По коридору прокатился тихий, но осязаемый смех. Кто-то из его компании хмыкнул громче остальных. Я почувствовала, как горят щёки. Руки сами сжались в кулаки, но ноги будто приросли к полу.

— Отстань, — сказала я тихо, но в тишине это прозвучало почти громко.

Он прищурился, шагнул ещё ближе. Теперь между нами оставалось меньше метра.

— Отстань? — переспросил он, притворно вскинув брови. — Слыхали? А я только разогнал. Ты же вчера так красиво пятнами шла, когда я рядом дышал. Думал, сегодня продолжим... Чё молчишь? Язык проглотила?

Он говорил громко. Специально. Каждое слово падало, как камень в воду, и круги расходились по толпе. Люди уже не просто смотрели, они слушали. Кто-то достал телефон.

Я открыла рот, чтобы ответить, но горло сжалось. Всё, что я могла выдать, жалкое:

— Прекрати.

Он только насмешливо приподнял бровь, наслаждаясь моим бессилием. В его глазах читалась та холодная, хищная уверенность, от которой у меня внутри всё переворачивалось.

— Как же прекратить? — хмыкнул он. — Слышь, Зинаида, ты же сама знаешь, что это не просьба, это мольба. А я люблю, когда на меня молятся. Особенно такие правильные девочки, как ты.

Толпа затаила дыхание. Кто-то из девчонок хихикнул нервно, кто-то зашептался. Я почувствовала, как кровь приливает к лицу от ярости, смешанной с чем-то горячим и постыдным. Он специально делал из меня посмешище.

— Ты... ты просто издеваешься, — выдохнула я, и голос дрогнул сильнее, чем хотелось.

И тут из толпы вышел парень. Я не знала его имени, но видела пару раз в коридорах, он всегда был немного в стороне, с вечно сосредоточенным взглядом и наушниками на шее. Он двигался плавно, без суеты, и его появление в центре «сцены» заставило толпу невольно расступиться. Слышала, он поет в группе.

Парень встал прямо передо мной, широкой спиной перекрывая мне обзор на Ярослава. Сделал это спокойно, даже как-то буднично, будто просто перешел дорогу в неположенном месте.

Я видела Ярослава лишь частично — его плечо, напряженную челюсть и тот самый ледяной, пронизывающий взгляд, который он теперь направлял не на меня, а на парня. Казалось, он пытался «прожечь» дыру в моем защитнике. Ярослав, который до этого момента упивался своей властью, на секунду замер. Его улыбка стала более жесткой, почти оскалом, и я видела,

как он сильнее сжал ключи. Волков медленно опустил руку, которой до этого театрально жестикулировал, словно признавая: сценарий изменился.

— О, — протянул Яр, и в его голосе прозвучало искреннее удивление, смешанное с раздражением. — Кажется, у нашей Монашки объявился защитник?

Парень не обернулся. Я видела только его плечи, напряженные, но не агрессивные.

— Послушай, — голос парня звучит тихо, но в тишине коридора он сдетонировал, заставляя воздух завибрировать. — Тебе заняться больше нечем? Оставь девчонку в покое. Она тебе ничего не сделала.

Ярослав издал короткий, сухой смешок и сделал шаг в сторону, пытаясь заглянуть ему в глаза.

— А, Матвей... — протянул Яр, растягивая гласные. — Наш главный «голос потока». Решил амплуа сменить? Рыцарь в помятом свитере — это чё, новый тренд?

Толпа отозвалась приглушенным смешком. Ярослав мастерски переключил внимание на нового игрока.

— Не перетрудись, — продолжил Яр, делая шаг к Матвею, но тот даже не дрогнул. — А то сорвешь связки, и кто тогда будет развлекать девчонок на ваших унылых междусобойчиках? Иди лучше порепетируй, пока я не решил, что тебе пора дать «концерт» поважнее.

Он говорил это так, будто Матвей для него был даже не противником, а досадной помехой, вроде жужжащего насекомого, которое нужно просто прихлопнуть. Яр смотрел на него свысока, с той небрежностью, с которой привык относиться к любому, кто не входил в его «ближний круг». Было очевидно: он не воспринимает Матвея как угрозу, лишь как шум, мешающий его развлечению.

Матвей по-прежнему стоял неподвижно, надежно закрывая меня своей спиной.

— Я тот, кто просит тебя прекратить, — спокойно, без тени страха ответил Матвей. Его голос не дрожал, хотя вокруг нас сгущалась атмосфера, от которой у меня перехватывало дыхание. — Просто уйди.

Между ними повисло напряжение. Я видела через плечо Матвея, как желваки Ярослава заходили под кожей. Он привык, что все на потоке либо боятся его, либо пытаются заискивать. А этот парень... он был просто «нейтральным». Не враг, не соперник, он существовал где-то на периферии, в своем мире музыки, и эта его невозмутимость, кажется, раздражала Ярослава.

— Знаешь, что самое смешное? — Ярослав медленно подошел вплотную, нарушая все границы. — Мы с тобой в разных лигах, Матвей. Я не лезу в твои песенки, ты не лезешь в мои дела. Так с какого перепуга ты решил, что сегодня удачный день, чтобы сменить траекторию?

Он театрально вздохнул, бросил на меня через плечо Матвея последний ледяной взгляд, полный невысказанных обещаний.

— Зинаида, — он снова обратился ко мне, игнорируя Матвея, как пустое место. — Везучая ты сегодня. Твой «вокалист» отмазал тебя от очень интересного разговора. Но не обольщайся: спектакли имеют свойство заканчиваться, а антракты бывают короткими.

Развернувшись, Ярослав зашагал прочь, и его компания потянулась следом. Толпа начала медленно рассасываться, разочарованно перешептываясь: шоу закончилось, так и не перейдя в драку.

Я стояла, вцепившись в сумку, и не могла сделать вдох. Матвей медленно обернулся ко мне. У него были спокойные, какие-то глубокие глаза, в которых не осталось и следа того напряжения, что было секунду назад.

— Ты в порядке? — спросил он.

— Д-да... — пролепетала я, чувствуя, как ноги начинают дрожать. — Спасибо. Ты... ты ведь рискуешь, вступаясь за меня перед ним.

— Не бери в голову, все в порядке. Ярослав громкий, но не конченный кретин. У него просто аллергия на тех, кто не идет у него на поводу.

Он задержался, словно хотел сказать что-то еще, но вместо этого перевел взгляд на мои побелевшие пальцы, которыми я вцепилась в ремешок сумки.

— Меня Матвеем зовут, кстати, — добавил он, чуть наклонив голову. — Хотя, думаю, ты уже слышала. На потоке только об этом и говорят, когда речь заходит о нашей группе.

Я едва заметно кивнула, чувствуя, как смущение постепенно вытесняет страх.

— Зина, — ответила я.

— Приятно познакомиться, Зина, — он произнес это имя так, будто оно было чем-то особенным. — Надеюсь, следующий раз, когда мы встретимся, поводом будет не такой... «громкий» инцидент. У нас в среду вечером концерт в местном баре, если вдруг захочешь отвлечься от экономики и послушать что-то менее нудное, чем лекции — приходи.

Он слегка улыбнулся, и эта спокойная, искренняя улыбка показалась мне чем-то невероятно правильным в этом хаотичном мире университета.

— Ну, я пойду. Хорошего вечера, Зина, — Матвей слегка кивнул и направился к лестнице, легко, без тени той тяжести, с которой обычно ходил Ярослав.

А я осталась стоять посреди пустеющего коридора, глядя ему вслед. Внутри закипало странное чувство: страх перед тем, что я навлекла на него гнев Ярослава, боролся с какой-то новой, пугающей надеждой. Ярослав не прощает, когда его унижают, но теперь в моей жизни появился кто-то, кто не побоялся встать на мою сторону.

Я стояла так еще несколько секунд, пока сердцебиение не начало понемногу замедляться. Сзади, из аудитории, послышался шум, это Лена и Андрей, наконец, закончили возиться с бумагами, и теперь оживленно что-то обсуждали, направляясь к выходу. А следом из дамской комнаты, поправляя прическу, выскочила Машка.

— Зинка! — Машка подбежала ко мне, сияя. — Прости, что бросила одну, в туалете зеркало нормальное разбили, пришлось на второй этаж бежать. Ой, а чего ты такая бледная?

Я вздрогнула, поймав её взгляд. Друзья даже не подозревали, что произошло минуту назад. В их мире всё было по-прежнему: лекции, планы на вечер, обычные университетские заботы. И это «незнание» стало для меня лучшим лекарством, оно как будто отделяло реальность от кошмара.

— Да нет, всё нормально, — я заставила себя улыбнуться, хотя губы слушались с трудом.

— Ну всё, погнали, — Андрей по-дружески приобнял меня за плечо, увлекая к выходу из корпуса. — Пары закончились, свобода! Ты же сама сказала, что тебе срочно нужно обновить гардероб.

Каждый шорох за спиной, каждая открывающаяся дверь всё ещё заставляли сердце пропускать удар. Я шла, вжав голову в плечи, постоянно сканируя толпу: не мелькнет ли среди студентов знакомый силуэт? Ярослава нигде не было, но его незримое присутствие висело в воздухе, как предгрозовое напряжение. Я постоянно ловила себя на мысли, что ищу глазами того парня, Матвея, но коридор уже был пуст.

— Хватит трястись, — Машка легонько пихнула меня в бок, когда мы наконец вышли на улицу, и свежий воздух ударил в лицо. — Мы едем к моей сестре. Она работает в классном бутике в торговом центре, там вещи просто огонь, не какой-то ширпотреб. И главное, у меня там скидка для своих. Так что купим тебе всё, что нужно, и не разоримся.

Я с благодарностью посмотрела на подругу. Машка удивительным образом умела переключать мое внимание, заставляя забыть о кошмарах и просто идти по коридору к выходу.

Торговый центр был шумным и ярким. Когда мы вошли в бутик, сестра Машки, стильная девушка с аккуратным каре, тут же расплылась в улыбке. Она сработала как профессионал. Мия, так звали сестру Машки, сразу поняла, что мне нужно. Никаких розовых рюшей или попыток загнать меня в вульгарное «мини».

— Нам нужно подчеркнуть то, что ты уже есть, а не прятать тебя, — сказала она, выкладывая на стойку одну вещь за другой.

Мы собрали капсулу, которая в зеркале казалась мне почти чужой, но невероятно правильной. Темно-синие брюки с высокой посадкой, идеально сидящие по фигуре. Струющаяся кремовая блузка, которая не просвечивала, но придавала образу легкости. Юбка-миди глубокого винного цвета — строгая, но притягивающая взгляд. И, конечно, главная находка: стильный, плотный жакет кофейного оттенка, который держал форму и заставлял спину невольно выпрямляться.

Но настоящим открытием стал кардиган. Это была не та бесформенная тряпка, что висела в моем шкафу, а дизайнерская вещь: благородный серый графит, разбавленный смелыми неоновыми-оранжевыми вставками на манжетах и воротнике. Он выглядел ярко, современно, чуть вызывающе, именно то, что нужно, чтобы заявить о себе.

Когда я вышла из примерочной в этом кардигане, накинутом поверх блузки, Андрей даже перестал жевать.

— Слушай, Зин... — он присвистнул. — Ты теперь выглядишь так, будто идешь не на лекцию, а как минимум на деловые переговоры.

Я смотрела на себя в зеркало и видела девушку, которая могла бы смотреть на Волкова без желания провалиться под землю. Сестра Машки подобрала мне лаконичные серьги-кольца, и образ сложился. Я была готова.

На другом этаже торгового центра обнаружилась маленькая парикмахерская. Никакого пафоса, ярких вывесок или администраторов в костюмах, просто ряды кресел и пара братьев-азиатов, которые работали быстро, четко и, что важнее всего, «дёшево».

— Нам только подровнять концы и сделать каскад, — уверенно скомандовала Машка, усаживая меня в кресло. — Чтобы волосы «задышали» и лежали красиво.

Один из братьев, кивнув, взялся за ножницы. Я сидела, зажмурившись, и чувствовала, как отсекаются лишние сантиметры, вместе с ними уходило что-то тяжелое, застоявшееся. Стрижка заняла от силы двадцать минут. Никаких сложных укладок с литрами лака, только мастерское движение ножницами.

Когда он закончил и развернул меня к зеркалу, я не поверила своим глазам. Волосы стали легкими, пряди каскада обрамляли лицо, делая его тоньше, выразительнее. Я не стала выглядеть как другая женщина, я стала выглядеть как лучшая версия себя.

— Ну, теперь точно «бабочка», — хмыкнула Лена, довольно рассматривая результат. — Стрижка — просто пушка, хоть и стоит копейки.

Я надела свой новый стильный кардиган с неоновыми вставками, поправила серьги-кольца и посмотрела на свое отражение. В зеркале была не та испуганная девчонка в растянутой кофте, которая дрожала при каждом звуке. Там была девушка, которая знала, что она выглядит хорошо. Эта уверенность казалась мне почти осязаемой.

Мы вышли из торгового центра, и вечерний воздух показался мне удивительно свежим. Настроение, вопреки всем страхам, было приподнятым.

— Девчонки, идите, я сейчас, — Андрей вдруг остановился у небольшого прилавка с мелочами. — Догоню!

Мы с Машей и Леной замедлили шаг, оглядываясь. Через минуту Андрей догнал нас, чуть запыхавшись, и, отведя меня в сторону, смущенно улыбнулся.

— Это... тебе. Просто так.

Он разжал ладонь, на ней лежала простая, но изящная заколка в виде цветка. Она была такой нежной, что я невольно улыбнулась. Не раздумывая, я тут же собрала боковые пряди, закрепив их на затылке. Волосы мягко легли по плечам, перестав лезть в глаза.

— Ого! — зацокали девчонки, рассматривая меня. — Зин, это очень идет. Такая мелочь, а как меняет!

Мы перешли дорогу и завалились в уютное кафе напротив. Наконец-то, никакой суеты, только кофе, сладкие пирожные и девичья болтовня.

И тут зазвонил телефон. На экране высветилось: «Димочка».

Я удивилась, так рано? Видеозвонок. Я приняла вызов, стараясь, чтобы голос звучал бодро.

— Привет, милая! — Димка улыбался, и этот свет на экране смартфона был для меня сейчас самым важным. — Ты где?

— В кафе, с друзьями, — ответила я, переводя камеру на ребят. — Прошлась сегодня по магазинам, обновилась.

Я на секунду показала себя — новый жакет, стрижка, заколка. Дима присвистнул:

— Вау! Зинуль, ты просто огонь.

— Остальные вещи дома покажу.

— Заметано, — рассмеялся Дима.

Маша, не выдержав, с любопытством сунула лицо в экран:

— Привет!

Дима улыбнулся:

— Привет! Я Дима.

— А я Маша, — она в ответ заулыбалась.

— Зинуль, ну давай, знакомь меня со всеми! — подмигнул Димка.

Я по очереди поворачивала камеру.

— Это Лена... — Лена помахала рукой, — ...а это Андрей.

Когда камера сфокусировалась на Андрее, атмосфера в кафе едва заметно изменилась. Андрей чуть выпрямился, Дима на экране прищурился. Секунда, вторая — они сверлили друг друга глазами через тысячи километров, словно оценивая, кто из них «свой», а кто угроза.

— Привет, Андрей, — сказал Дима, и в его голосе прозвучало что-то покровительственное, мужское.

— Привет, Дима, — ответил Андрей, коротко кивнув.

— Слушай, Андрей, — Дима улыбнулся, но взгляд его остался серьезным. — Ты там приглядывай за моей Зинулей, ладно? Она у меня девочка скромная, а меня рядом нет. Хорошо, что у нее есть такие друзья, как вы.

Он подмигнул, жест был адресован лично Андрею. В этот момент Дима не просто просил присмотреть за мной, он транслировал свою абсолютную уверенность в том, что я его девочка. Это было мягкое, но железобетонное обозначение границ: он доверяет мне, доверяет другу, но при этом четко фиксирует статус-кво. Я чувствовала, как Дима спокойно подтверждает свое право на меня, не оставляя Андрею ни единого шанса усомниться в том, что моё место только рядом с ним.

Андрей ответил коротким, почти уважительным кивком. Напряжение чуть спало.

— Всё, бегу на последнюю пару, — Дима снова переключился на нежность. — Целую, мелкая, позвоню вечером!

Я отключилась, чувствуя странную смесь облегчения и тепла. Андрей снова взялся за свой кофе, но теперь в его движениях было меньше суетливости.

Утро понедельника началось с катастрофы. Будильник прозвенел в 5:00, но даже этого времени мне катастрофично не хватало.

Я бежала к остановке, на ходу застегивая жакет и пытаюсь пригладить волосы. Ветер из Верхнебора кусал за щеки, напоминая, что осень уже здесь. Автобус, старый и дребезжащий «ПАЗик», пришел с опозданием на десять минут, но настоящий кошмар начался на полпути к городу.

Раздался резкий хлопок, за которым последовал скрежет металла и облако едкого дыма из-под капота. Водитель чертыхнулся и затормозил прямо на обочине, среди голых полей.

— Приехали, граждане, — буркнул он, выходя наружу. — Движок закипел. Ждите, сейчас межгород на область пойдет, я его на дороге перехвачу, подберет вас. Минут через сорок будет, если по расписанию идет.

Я застыла, прижимая сумку к груди. Сорок минут? Тест начинается ровно в 8:00. Профессор Ковалёв не просто строгий, он принципиальный. Тех, кто заходит после звонка, он просто выставляет за дверь.

Следующие полчаса превратились в пытку. Я стояла на обочине, глядя на пролетающие мимо машины, и чувствовала, как на глаза наворачиваются слезы бессилия. Дорога, которая раньше казалась просто утомительной, сегодня стала моим личным врагом. Три часа жизни каждый день проходили впустую.

Когда я, наконец, влетела в учебный корпус, часы на стене показывали 8:35. Коридоры были пусты. Я подбежала к аудитории и осторожно приоткрыла дверь.

— Кузнецова? — Ковалёв на секунду бросил на меня взгляд и снова уткнулся в свои бумаги. — Тест уже сдан. Вы опоздали на треть лекции.

— Извините, автобус сломался... — прошептала я, чувствуя, как горят щеки.

— Ваши транспортные проблемы университет не касается. У вас «неуд» за текущий контроль. Зайдёте на пересдачу в конце месяца. Свободны.

Я молча потянула дверь на себя, закрывая её снаружи. В пустом коридоре гудела тишина. Слезы обиды обожгли глаза: всё из-за этих проклятых поездов.

Выйдя на улицу, я постаралась взять себя в руки. До следующей пары было еще сорок минут, и я побрела по аллеям парка, окружающего наш корпус. Ноги сами несли меня мимо старых дубов, а в голове набатом билось: «Неуд... первая двойка... из-за сломанного автобуса». Я присела на скамью в самом дальнем углу сквера, подальше от шума, и просто смотрела на фонтан, пытаясь выровнять дыхание. Маме я об этом сейчас не скажу, расстроится. Диме? Тоже не стоит, он начнет ворчать.

Когда пара закончилась, я медленно поднялась и направилась обратно к главному входу. Толпа студентов выплеснулась из дверей, наполняя воздух гулом голосов.

Университетский двор жил своей жизнью. Я шла по аллее, чувствуя, как утренний ветерок чуть шевелит пряди, подстриженные каскадом. Мои новые брюки и жакет придавали мне ту самую осанку, которую я раньше в себе не замечала. Но самое главное — это было невероятное, почти забытое чувство «невидимости». Вокруг снуют сотни людей, спешащие на перерыв, и никто не провожает меня пристальным взглядом. Для всех я была просто еще одной студенткой. Какой же это кайф быть обычной.

Машка уже стояла на крыльце, оживленно жестикулируя, и, заметив меня, начала махать рукой. Я улыбнулась, ускоряя шаг, уже предвкушая, как пожалуюсь ей на Ковалёва за чашкой кофе. Я была так занята тем, чтобы не споткнуться на ступеньках и не растерять это хрупкое спокойствие, что совершенно не обратила внимания на группу парней, куривших в тени густого кустарника у входа в корпус.

Свист. Короткий, пронзительный, разрезающий привычный утренний шум.

— Зинаида, ты сегодня прекрасна как никогда! — голос прозвучал совсем близко, с той самой неприятной, липкой интонацией, от которой по спине сразу побежал холодок.

За этим последовал грубый, раскатистый смех. Я замерла, не успев дойти до Маши. Сердце, только что ровно бившееся в груди, совершило кульбит и застряло где-то в горле. Я медленно обернулась.

Это были они: Макс и Кирилл. Неразлучная «свита» Ярослава, которая всегда следовала за ним тенью. Они даже не пытались скрыть, что мишенью для их издевок стала именно я. Макс, вечно прищуренный и наглый, демонстративно выдохнул дым в мою сторону. Его взгляд медленно скользнул по моей фигуре, оценивая и «раздевая», отчего по спине пробежал неприятный холодок.

— Глянь, Кирюх, «бабочка» из кокона вылезла, — Макс ухмыльнулся, потирая подбородок. — Чё, думаешь, нарядилась и Яр не признает? Не угадала, Кузнецова. От него не спрячешься.

Я стояла посреди двора, чувствуя, как люди вокруг, те самые, которые секунду назад были для меня «фоном», вдруг растворились, оставив меня один на один с этим издевательством. Маша на крыльце остолбенела, её лицо вытянулось от страха.

— Не обращай внимания, — прошептала я сама себе, хотя руки предательски начали дрожать. — Просто иди мимо. Не смей показывать им, что тебе страшно.

Я стиснула зубы, не позволяя себе ни обернуться, ни ускорить шаг, хотя внутри всё кричало о том, чтобы броситься бежать. «Просто игнорируй, — твердила я себе, глядя только на подругу. — Они просто проверяют, сломаюсь ли я».

Один из них что-то еще выкрикнул, кажется, про «новую прическу», но я пропустила это мимо ушей. Сделала еще шаг, потом другой. Насмешливые взгляды жгли лопатки, а каждый сантиметр пространства за спиной казался наэлектризованным. Но шагов вслед не послышалось. Сзади снова раздался их ленивый смех, лягг зажигалки и неразборчивое бубнение. Видимо, они потеряли ко мне интерес и вернулись к своим делам.

Я поднялась на крыльцо и почти влетела в раскрытые руки Маши.

— Ты с ума сошла?! — прошептала она, втаскивая меня в коридор, подальше от открытых дверей. — Ты слышала, что они говорили? Ты просто прошла мимо!

— А что я должна была сделать? — мой голос прозвучал на удивление ровно, хотя в груди всё ещё колотилось. — Упасть в обморок? Или начать оправдываться? Пусть смотрят.

Маша нервно оглянулась на дверь, через которую мы только что вошли.

— Зин, это Волковы псы. Если они начали свистеть, значит, Ярослав где-то рядом. Тебе надо быть осторожнее.

— Я осторожна, — поправила воротник жакета, стараясь выглядеть собраннее, чем чувствовала себя на самом деле. — Пойдем на пару.

Мы почти дошли до лестницы, ведущей на второй этаж, когда я краем глаза заметила какое-то движение. Из библиотеки, не спеша, вышел Матвей. В руках у него был стакан кофе, а на плече сумка с гитарой.

Заметив нас, он замедлил шаг. Его взгляд на секунду задержался на Маше, а потом с какой-то особенной, мягкой заинтересованностью сфокусировался на мне. Он открыто и без всякого подтекста улыбнулся, словно мы были старыми друзьями, которые случайно встретились в потоке будней.

— Привет, Зина, — он чуть кивнул, проходя мимо. — Отлично выглядишь сегодня. Жакет — просто попадание в десятку.

Я замерла, не ожидая такого внимания. Маша рядом удивленно приподняла бровь, переводя взгляд с него на меня.

— Ого, — выдохнула подруга, как только он прошел дальше по коридору. — Это не тот самый Матвей? Ну, который поет в «Эхо»? Слушай, Зин, а ты скрывала свои таланты! С каких пор ты общаешься с местными звездами?

— Да мы и не общались, — я почувствовала, как к щекам снова приливает жар, но на этот раз от приятного волнения. — Просто... пересеклись раз.

Матвей, словно почувствовав, что мы о нем говорим, обернулся у самого поворота. Он коротко подмигнул мне, едва заметно, и пожелал:

— Хорошего дня, Зин. Не давай никому портить себе настроение.

Он скрылся за углом, а я еще пару секунд смотрела в ту сторону, где он исчез. Маша тихонько подтолкнула меня в бок, хихикнув:

— Ну, теперь я понимаю, почему ты такая задумчивая. Пошли, а то профессор нас съест за опоздание.

Глава 8.

Ярослав.

Опоздал? Ну да, бывает. Я никогда не парился из-за такой чепухи, как расписание. В аудиторию зашел молча, даже не кивнув профессору. Лениво кинул кости на задний ряд и откинулся на спинку стула, вытягивая ноги.

Кирилл тут же притерся к уху. Голос так и дрожит от азарта, шепчет, как будто секрет государственной важности выдает:

— Слушай, Яр, девчуля-то твоя... По ходу, кокон треснул.

Я нахмурился. Мозг еще не включился после ночи, не сразу сообразил, о ком он.

— Какая еще девчуля?

— Да первокурсница эта, Зинаида.

Кирилл переглянулся с Максом, и оба заржали, прикрываясь тетрадками.

— Ты не видел её сегодня? Она мимо проплыла как королева: космы свои распустила, прикид нормальный, кардиган дедовский — в утиль. Преобразилась, малыха. Кому-то понравиться хочет, по ходу.

Внутри что-то коротко и зло лязгнуло. Как затвор, в который попал песок. Кто дал ей команду менять настройки?

— Где бы я её видел? С колёс, и сразу сюда. И так на двадцать минут в пролёте.

Макс подал голос, не отрываясь от телефона:

— Не, ну реально... Оказалась породистой девчонкой. Волосы черные, глазищи... Ноги, фигура, всё на месте. Оказывается, под этой серой хмарью было на что посмотреть.

— Макс, — перебил я, и в голосе прозвучало не предупреждение, а ледяной факт. — Моя добыча.

Макс хмыкнул и понятиливо притих, но мне уже было фиолетово. В башке пульсировало одно: она пытается перехватить управление. Думает, если сменит «обертку», то станет мне не по зубам? Глупая. Это только подтверждает мою теорию: резонанс пошел по всем узлам.

На перемене вывалился в коридор, высматривая «обновленную версию» Зины. Линда возникла из ниоткуда — привычный, предсказуемый девайс. Юркнула под руку, замурлыкала что-то про «вечер» и «планы». Линда была простой, как двухтактный двигатель. С ней не нужно было греть голову, она просто заполняла пустоту в моей репутации.

— Яр, погуляем сегодня? — она заглядывала мне в глаза, ища подтверждения, что она еще в обойме.

— Посмотрим, — я лениво сканировал толпу.

И вот она. Идет по коридору, глядя строго вперед. Волосы больше не прячут лицо, жакет подчеркивает плечи. Выглядела уверенной, почти бронированной. Но я-то знал, где у этой брони швы. Стоило ей заметить меня, я считал это по тому, как сбился её шаг на доли секунды, как вся её защита начала осыпаться.

— Не против, — сказал я Линде, но смотрел только на Зину. — Давай погуляем.

Я резко притянул Линду к себе, перехватывая её за талию, и впился в её губы долгим, жестким поцелуем. В этом не было ни грамма страсти. Чистая калибровка. Демонстрация для той, что застыла в десяти метрах, судорожно вцепившись в свой телефон.

Я чувствовал взгляд Зины кожей. Чувствовал, как воздух становится густым и горьким. Я выбивал из-под неё эту новую, свежекупленную уверенность. Пусть знает: её «переодевание» — это просто смена декораций в моем сценарии.

Я отстранился от Линды, даже не глядя на неё.

— Заеду в семь. Свободна.

Она послушно растворилась в толпе, а я, не торопясь, двинул к Зинаиде. Видел, как её лицо заливают густой румянец, как пальцы судорожно вцепляются в ремешок сумки. Она развернулась и почти побежала рваным, паническим шагом. Я не ускорился. Зачем? Мышь уже в лабиринте, а я слишком хорошо знаю здесь каждый поворот.

Наблюдал, как она лавирует между студентами, пытаясь затеряться, но паника плохой навигатор. Она резко свернула в боковой коридор, ведущий к старому крылу. Там всегда прохладнее, тише, а стены отдают сырым бетоном. Это путь к спортзалу и раздевалкам. Глухая зона, где не бывает даже сквозняков. По сути — идеальный тупик.

«Беги, Зи-на, беги», — пульсировало в голове. Внутри разливалась сладкая, почти болезненная истома охотника, который видит, как цель косячит на каждом повороте. Она не думала о стратегии. Она была первокурсницей, которая еще не выучила карту, и сейчас её логика просто сгорела.

Я шел за ней, и с каждым шагом азарт становился гуще. Она вбежала в ловушку сама, неосознанно выбрав место для нашей личной аудиенции.

Зина затормозила, когда впереди показалась дверь в раздевалки, а за ней — серая глухая стена. Она резко обернулась, осознав: здесь никого. Абсолютная пустота. Её плечи опустились, дыхание стало шумным, рваным, как у загнанного зверька. Она увидела меня в паре метров — расслабленного, с той самой улыбкой, которая никогда не сулила ничего хорошего.

В её глазах мелькнул ужас пополам с осознанием собственной глупости. Она сама загнала себя в угол.

— Мурашка, — я остановился, нарочито медленно сканируя пустой коридор. — Неужели ты не выучила план здания? Или это была такая отчаянная попытка сбежать, что ты даже не смотрела на указатели?

Я сделал шаг вперед, сокращая дистанцию до критической. Она вжалась в стену, будто надеялась просочиться сквозь бетон.

— Или... — я склонил голову, прищурившись, — ты специально заманила меня сюда, чтобы остаться наедине? Хм?

Я уперся ладонью в стену прямо у её головы, отрезая последний путь к выходу. Она почти перестала дышать. Грудь вздымалась рвано, лицо стало пугающе бледным, и только на щеках горели пятна румянца. Черт, как же она была хороша в этом первобытном страхе.

Всмотрелся в её глаза. Темные, огромные, с густыми ресницами без грамма туши, в них хотелось нырнуть и захлебнуться. Там была жизнь, была боль и та самая хрупкость, от которой у меня внутри всё скручивалось в тугий узел предвкушения.

— Зина, — мой голос стал тихим, вкрадчивым. Я заставил её смотреть прямо на меня. — Ты ведь понимаешь, что здесь кричать бесполезно? Здесь только ты и я. И эта стена.

Я наклонился к самому её лицу. От неё пахло полевыми цветами и чистотой. Этот запах смешивался с горьким ароматом её паники. Я медленно, гипнотизируя её взглядом, провел кончиком пальца по её шее, спускаясь к пульсирующей жилке. Она мгновенно покрылась мурашками, и этот невольный отклик её тела отозвался во мне мощным приливом дофамина.

— Ну же, Мурашка. Скажи мне что-нибудь. Кто тебе разрешил? — прошептал я, едва касаясь губами её уха.

Она молчала, только хлопала ресницами. В её взгляде я прочитал искреннее, почти детское недоумение. Она реально не догоняла правил игры.

— Ты серьезно? — я хмыкнул, чувствуя, как внутри разгорается темное пламя. — Ты правда не понимаешь, Зинаида? Твоим единственным «разрешением» на существование здесь был твой статус-кво. Я привык к твоему бесформенному кардигану, к твоей невидимости. А теперь посмотри на себя.

Я придвинулся так близко, что видел каждую пору на её коже, каждую дрожащую черточку на её приоткрытых губах.

— Кто разрешил тебе менять настройки без моего ведома? Кто позволил тебе стать заметной для кого-то ещё, кроме меня?

Я придвинулся вплотную, вжимая её в бетон.

— Я не давал добро на этот маскарад. Ты — мой интерес. Моя цель. Думала, наденешь жакет и сразу вырастешь? Что теперь имеешь право смотреть на меня сверху вниз?

Она вдруг вскинула голову. Страх в её глазах на секунду выгорел, уступив место чистой, концентрированной ярости.

— Ты хоть слышишь, насколько это звучит жалко? — её голос охрип, но в нем зазвенела сталь. — Я не кукла из твоей коллекции, Ярослав. Если тебе не нравится, как я выгляжу, просто отвернись. Занимайся своими девицами.

Я замер, приподняв бровь. Внутри закипел ядовитый азарт. Огрызается! Это было в сто раз круче, чем её тихий скулеж. Я медленно, почти ласково провел тыльной стороной ладони по её щеке, заправляя прядку за ухо. Пальцы задержались на горячей коже, и я почувствовал, как она вся натянулась, как струна перед обрывом.

— Отворачиваться? — я прошептал это ей в самые губы. — Зина, ты до сих пор не поняла. Ты не можешь запретить мне смотреть. Я сам решу, когда ты мне надоешь. А сейчас... твоя дерзость мне даже нравится.

Она вскинула подбородок. В её огромных, влажных глазах вспыхнула колючая, дерзкая искра.

— Чего ты прицепился?! — сорвалась она на резкий надрыв. — Что тебе нужно от меня, Ярослав? Зачем ты тратишь время на ту, которую сам называешь «серой мышью»?

Я замер. Внутри что-то дернулось, неприятно и резко, будто я на полном ходу влетел в невидимый барьер. Меня от неё штырило. Накрывало дурной, липкой волной, и я, чёрт возьми, не понимал механики этого процесса.

Я снова провел рукой по её шее, скользнув пальцами к линии роста волос. Она была обжигающе горячей. Вдохнул поглубже, и это было как удар поддых. Никакой приторной ванили или вейпов, никаких дешевых духов, которыми несло от всех остальных. От неё пахло иначе: чистотой, едва уловимым полевым цветком и... кожей. Настоящей, живой кожей. Этот запах сводил с ума своей естественностью.

— А ты правда хочешь знать ответ, Мурашка? — я произнес это низко, ощущая, как её тело прошивает мелкая, едва уловимая дрожь. Она пыталась скрыть это, вцепившись в сумку, но кожа сдавала её с потрохами.

— Знаешь, мне нравятся твои вопросы. Но еще больше мне нравится видеть, как ты меняешься, когда я рядом. Может, ты меня зацепила? Своим упорным желанием исчезнуть... А может, я просто хочу видеть, как ты дрожишь от одного моего вдоха.

Я провел кончиками пальцев по её щеке.

— Это возбуждает, малышка, — выдохнул я ей в губы.

Она сжала челюсти, её взгляд метался по моему лицу, ища фальшь. Но я был искренен. В своем садистском удовольствии — абсолютно.

— Ну, что скажешь? — я приподнял её подбородок пальцем, заставляя смотреть в упор. — Ты ведь чувствуешь это? Эту дрожь? И ты ведь знаешь: чем сильнее ты бежишь, тем больше тебе хочется узнать, что будет дальше.

Видел, как у неё перехватило дыхание. Она поняла, что я прав. Её глаза потемнели от осознания собственной слабости, но тут же в них вспыхнула отчаянная решимость. Она резко вскинула руки и с неожиданной силой уперлась ладонями мне в грудь.

— Не смей! — выкрикнула она. — Не смей говорить мне такое! Ты... ты просто больной!

Она толкнула меня. Несильно, но я почувствовал этот импульс — попытку разорвать липкую паутину, в которую я её затягивал. Я не стал сопротивляться. Наоборот, я с наигранной готовностью сделал шаг назад, демонстративно скидывая руки в жесте капитуляции.

Она тут же рванулась с места, едва не спотыкаясь на каблучках.

— Беги, Мурашка, — негромко бросил я вслед, уже не пытаюсь догнать.

Она не оглянулась. Её шаги, поначалу быстрые, перешли в глухой, отчаянный бег по бетону. Я стоял один в пустом коридоре и всё ещё чувствовал на ладонях жар её кожи. Сердце колотилось в горле, в ушах стоял гул, а в носу застыл этот чёртов запах цветов и её паники.

Меня «штырило». Это было лучшее определение. Я чувствовал себя хищником, который сделал первый надрез и теперь знает вкус крови. Она думает, что победила? Что оттолкнула меня?

Я провел рукой по лицу, сдерживая дикую усмешку. Она не понимает главного: этот побег только раззадоривает. Раньше она была просто «Мурашкой» для упражнений в сарказме. Теперь она стала личным вызовом. Моим персональным наркотиком.

Я неспешно двинул прочь, насвистывая какой-то мотив. Запах её страха всё ещё висел в воздухе, забывая лёгкие. И я знал: теперь я буду чують его везде. И я сделаю всё, чтобы этот страх однажды переплавился во что-то совсем другое.

Завалился в туалет, чувствуя, как в груди клокочет остаточный адреналин. И тут подарок — Андрюша. Трется у раковины, руки моет, морда спокойная, будто он тут хозяин. Заметив меня в зеркале, он дернулся, но я уже перекрыл плечом выход.

— Андрюх... — я растянул его имя, как колючую проволоку. — Ты опять лапал Мурашку своими клешнями. Нехорошо. Нарушаешь правила эксплуатации.

Он замер. Кадык нервно заходил вверх-вниз. Когда он обернулся, в его глазах был именно тот липкий, парализующий страх, который я ждал. Он просек: сейчас будет больно.

— Отстань от девчонки, Яр, — голос у него дрогнул, но он попытался изобразить мужика. — Она тебя до костей боится. Что ты к ней прицепился? Найди себе другую жертву.

Я подошел вплотную, вытесняя его из пространства. Он отступил, упираясь поясницей в холодный фаянс раковины.

— Хочешь стать жертвой вместо неё? — я оскалился. — А может, она мне просто нравится, Андрюх? Может, я решил её в личное пользование забрать.

— Она не такая! — почти выкрикнул он, покрываясь красными пятнами.

— Знаю, — я перешел на шепот, от которого у него поползли тени под глазами. — Тем слаще будет вскрывать.

— У неё... парень есть! — выпалил он, как последний козырь в проигранной партии.

Мир на секунду встал на паузу. Парень? У этой забитой монашки? Внутри что-то коротнуло, выбрасывая в кровь чистую кислоту.

— Чё? — мой голос стал ледяным. — Кто?

— Дима, — выдохнул Андрей, глядя мне прямо в переносицу.

— Она сама тебе это в уши напела? — я прищурился. Ярость внутри требовала выхода, пальцы сами сжались в кулаки.

— Я сам видел, — буркнул он.

Я рванулся вперед, сгрёб его за воротник и со всей дури впечатал в кафель. Глухой удар, хруст пуговицы — плевать.

— Слушай сюда, — прошипел я ему в лицо. — Выкладываешь всё прямо сейчас, или я научу тебя жевать этот кафель.

— Мы в кафе сидели... — пробормотал он, задыхаясь. — Он позвонил по видеосвязи. Они разговаривали. Долго.

— Может, брат? — я не хотел в это верить. Это не укладывалось в мой чертеж.

— Ага, конечно, — Андрей даже сквозь страх умудрился хмыкнуть. — Он на меня через экран смотрел так, будто хотел придушить на месте. Собственник хренов.

— И почему этот «собственник» тут ни разу не появился? — я ослабил хватку, но не отпустил его.

— Не спрашивал, — Андрей тяжело дышал, сползая по стенке, когда я его наконец оттолкнул.

Значит, Дима. Значит, у Мурашки есть тыл. Какой-то невидимый «герой» по ту сторону экрана.

Весь день внутри всё кипело. Мысль о том, что какой-то левый тип видел её без этого дурацкого жакета, заставляла зубы скрипеть.

Вывалился к пацанам на крыльцо. Те стояли, дымили, лениво перетирая за очередные гонки. Я подошел и просто вырвал сигарету прямо из зубов Кирилла.

— Кир, — я затаился, глядя в никуда. — Кто тебе больше залетает: Лена или Маша?

— Кто? Ты о чем вообще? — Кирилл нахмурился, выпуская дым носом.

— Подружки монашки, — я бросил бычок под ноги и с хрустом его раздавил. — Те, с которыми она трется постоянно.

Кирилл недоуменно пожал плечами:

— Да хрен их разберет, они на одно лицо все. А чё надо?

Макс, стоявший чуть в стороне, прищурился и выдал свою фирменную паскудную ухмылку. Он просек всё сразу.

— Опа... Чё, Яр, территорию зачищаем? Твоя мышь — это без базара, в её сторону никто даже не дышит. А нам этих овечек окучивать? Нам не запахло, если движ стоящий.

Холод внутри сменился липким, грязным азартом. Мне нужно было плотное кольцо. Чтобы каждый её шаг, каждый вздох был у меня на ладони.

— Расклад такой, — процедил я. — У нашей монашки, оказывается, есть какой-то Дима.

Кирилл аж поперхнулся, закашлялся, вытирая рот ладонью.

— Нифига себе расклады... — он переглянулся с Максом. — А с виду — тихий омут. Че, реально хахаль имеется? И чё делать будем?

Я едва заметно сжал челюсти.

— Сливать будем. Мне нужен на него полный расклад. Кто, откуда, где живет. Её подружки явно в курсе всех деталей. Мне фиолетово, как вы их окучивать будете, но к вечеру мне нужен полный расклад на этого Диму. В моей игре лишних фигур быть не должно. Вычеркнем его из уравнения. Поняли?

Макс ухмыльнулся, щелчком отправив окурочек в полет.

— Понял, не дурак. Окучим девок по красоте. Будут петь как миленькие, сами не поймут, как всё выложили. Считай, досье уже у тебя в кармане.

Я коротко кивнул. Скоро узнаем, что там за герой нарисовался. И почему он до сих пор думает, что Зина — его. Игрушки кончились. Началась зачистка территории.

Глава 9.

Зина.

Я лежала на кровати, прислушиваясь к мерному тиканию часов в гостиной и приглушенному голосу отца, обсуждавшему с мамой чьи-то «недостойные» манеры. В нашем доме строгость была возведена в культ: юбки ниже колен, тихий голос, никаких прогулок после десяти и вечное, давящее «что люди скажут». Традиции семьи стояли незыблемой стеной, за которой любое проявление чувств считалось чем-то постыдным, грязным, почти греховным. «До свадьбы — ни шагу за порог приличия», — эта фраза была вшита мне под кожу вместо колыбельной.

Но мне восемнадцать. Я живой человек. И под обложкой учебника по истории я прятала современный любовный роман: мой личный, крошечный бунт. Это был мой побег.

Там, на страницах, всё было иначе. Поцелуи, от которых кружится голова, прикосновения, заставляющие сердце пропускать удары, и всё это казалось таким пугающе-прекрасным. Я до дрожи хотела узнать: правда ли это? Неужели тело может так откликаться на другого человека?

Мои отношения с Димой были... слишком правильными. Мы вместе два года, он идеальный кандидат, одобренный родителями, надежный и предсказуемый. Но близость с ним до сих пор оставалась для меня зоной отчуждения. Стоило Диме подойти чуть ближе к «границе», попытаться коснуться меня чуть дольше положенного, как я тут же каменела. Внутри всплывали мамины поучения, стыд заливал щеки, и я отстранялась, чувствуя себя виноватой за то, что не чувствую... ничего, кроме желания сбежать.

Я могла быть собой только здесь, под одеялом, ныряя в чужие фантазии. Но в последние дни буквы начали расплываться. В мой закрытый, чистый мир без приглашения ворвался Ярослав.

Я до сих пор вздрагивала, вспоминая сегодняшний коридор. Как он загнал меня в тупик, как пристально смотрел, с угрожающей уверенностью. А его запах... Это было самое странное. Если Димка пахнет чем-то уютным, предсказуемым, как теплая булочка, то от Яра пахло бензином: резко, опасно, мужественно. Этот запах дурманил, сбивал с ног.

Когда он наклонился и прошептал что-то на ухо, моё тело предало меня в ту же секунду. Табун мурашек, настоящих предателей, пробежал по коже, и он, чёрт возьми, это заметил. Он всегда это замечал. Эта его хитрая, почти победная ухмылка... она меня пугала, но в то же время внутри разливалось странное, горячее чувство, которое я совсем не умела контролировать.

Я боялась его. Боялась своей реакции на него. Но, закрывая глаза, я всё равно ловила себя на том, что сравниваю его с Димой, и сравнение это было далеко не в пользу привычного уюта.

Мои раздумья прервал короткий, резкий звук уведомления. Экран смартфона вспыхнул — «Друзьяшки». Я нехотя разблокировала телефон, и в глаза сразу бросилась переписка.

Маша: Ой, девочки... Сегодня меня нагнал Кирилл. Ну, тот самый... прихвостень Волкова.

Лена: О, боже! И что он сделал?!

Маша: Ничего страшного. Просто болтали.

Андрей: О чем?

Лена: Маш, ну как это «просто»? Это же Волковские!

Маша: Да ладно вам. Спрашивал о нас, об учебе, интересовался, как дела...

Андрей: И?

Маша: В кафе позвал.

Лена: (в шоке) Пошла?!

Маша: Угу...

Андрей: А потом?

Маша: Да ничего, до дома проводил, и всё. Спокойно разошлись.

Андрей: Маш, ты совсем? К чему это было? Он явно не просто так подкатил, это не в их стиле. Не нравится мне это.

Я замерла, вчитываясь в сообщение Андрея. Внутри всё сжалось в холодный, колючий узел. Кирилл? Тот самый, который в коридоре скалился и предлагал «проучить» меня?

Если он «просто болтал» с Машей и даже проводил её до дома, значит, Ярослав не просто продолжает свою игру, он перешел в наступление по всем фронтам. Он расставлял своих «шакалов» на ключевых позициях моей жизни, методично выламывая все подпорки, которые давали мне чувство безопасности.

Мои пальцы дрожали над клавиатурой. Написать им правду? Кричать в этот чат: «Бегите! Не верьте им!»? Рассказать, что на самом деле произошло сегодня в пустом коридоре? Что Ярослав превратил меня в свой личный «проект» и теперь методично вскрывает мою реальность, как консервную банку? Но от одной мысли, что они узнают, как я бегала от него по коридорам и как он прижимал меня к стене, обжигая шею своим дыханием... мне становилось невыносимо стыдно. Это чувство было липким, грязным, как будто я сама была виновата в том, что его пальцы касались моей кожи.

Ярослав не просто следил за мной, он начал поглощать мой мир. И самое страшное — Маша, моя добрая, наивная Маша, уже впустила врага за порог, даже не заметив этого.

Я быстро набрала: «*Маш, будь осторожнее, пожалуйста*», — но тут же стерла. Андрей прав: они не действуют просто так. Ярослав не из тех, кто тратит время на пустые разговоры, если за этим не стоит какой-то расчет.

Мое сердце забилося чаще. Неужели он решил проверить меня через них?

Сердце пропустило удар. Я сильно сжала телефон в руках. Моя догадка о том, что Ярослав проверяет меня, превращалась в холодную, отвратительную реальность.

Чат ожил снова.

Лена: Ой-ой... Ребятки, догадайтесь, кто мне в Мирограмме пишет?

Андрей: Кто?

Маша: Кто?!

Зина: Кто?

Я уставилась в экран, затаив дыхание. Прошла минута. Две. Эти две минуты показались мне вечностью. Видела, как «печатает...» то появлялось, то исчезало. Лена явно не знала, как к этому относиться, то ли это было признание популярности, то ли начало чего-то, от чего стоило бежать без оглядки.

Наконец, сообщение пришло:

Лена: Макс... Волковский...

В комнате стало душно, воздух будто сгустился. Если Кир начал крутиться вокруг Маши, а Макс взялся за Лену, значит, Волков не просто «интересовался».

Экран телефона словно обжигал руки. Я чувствовала себя так, будто за мной наблюдают через камеру смартфона, как будто Ярослав сейчас стоит где-то в тени моей комнаты и скалится, наблюдая за моей паникой.

Зина: Мне совсем не нравится всё это. Очевидно же, что не просто так они начали писать. Ни с того ни с сего, и сразу атака на двух фронтах?

Андрей: Что пишет-то? Что Макс вообще хочет от тебя?

Прошли мучительные секунды. 30... 40... 50... Мои пальцы сжались в кулаки, я почти видела, как Лена сомневается, набирая ответ.

Лена: В кино зовет.

Маша: Когда?

Андрей:))))) (Смех сквозь зубы, он явно понял, что дело пахнет керосином).

Зина: Ты же отказалась? Надеюсь, ты отказалась?

Лена: Отказалась. А он говорит: «Пошли тогда просто погуляем, я тебе гербарий сделаю»))))

Маша:))))

Я откинула телефон на подушку, как будто это была ядовитая змея. «Гербарий»? Макс, прихвостень Волкова, который обычно не вылезает из качалок и разборок, вдруг решил заняться ботаникой? Это было абсурдно и пугающе.

Пальцы мелко дрожали, когда я печатала ответ, пытаюсь скрыть панику за раздражением.

Зина: Они издеваются, что ли? Это же бред какой-то. Какой гербарий, какое кино? Вы серьезно это обсуждаете?

Ответ от Лены прилетел почти мгновенно, и от него у меня внутри всё оборвалось.

Лена: Да не знаю я... Я отказалась, конечно. А он написал: «Завтра поговорим, крошка», и подмигнул.

Маша:))))

Я завороченно смотрела на экран, где уведомления от «Друзяшек» затихли, оставив после себя оглушительный вакуум. Андрей молчал. Видимо, даже его прямолинейный мозг осознал: это не просто подростковые подкаты и не глупая попытка парней из «золотой сотни» развлечься с первокурсницами. Это было оцепление.

Ярослав выставил своих «псов» по периметру моей жизни, чтобы они «застолбили» территорию. Он использовал Машу и Лену как живые щиты, как пешки, которыми он будет двигать, чтобы я чувствовала его присутствие в каждом своем вдохе. В каждой чашке кофе, выпитой с подругами, теперь будет привкус его ледяного контроля.

Я чувствовала себя загнанной в угол, но на этот раз не в пыльном тупике университетского крыла, а в собственной реальности. Волков был везде: в моих рваных мыслях, в моих липких страхах, а теперь в телефонах моих самых близких людей. Он взломал мой круг безопасности, даже не прикоснувшись к нему лично.

Я нервно закусила губу, чувствуя на языке металлический привкус крови. Завтра. Это слово теперь звучало как приговор. Завтра будет разговор. Завтра Кирилл снова найдет повод «просто поболтать» с Машей. И за спиной каждого из них будет стоять Ярослав, лениво наблюдая, как я медленно задыхаюсь в этой невидимой петле.

Если я завтра пойду в университет, я столкнусь с ними лицом к лицу. А если не пойду, они придут ко мне домой? Или к Маше? Или к Лене?

Телефон снова завибрировал.

Андрей: Девчонки, слушайте... я не думаю, что это просто «подкаты». Я сегодня видел Яра. Он был злой, как чёрт.

Зина: Андрюш, ты уверен?

Андрей: Более чем. Он что-то задумал. Будьте осторожны.

Я сделала глубокий вдох, пытаюсь унять дрожь в пальцах, и решительно набрала текст:

Зина: Я поговорю завтра с Волковым.

Андрей: Ты sdурела?!

Я зажмурилась, понимая, какой риск беру на себя, но иного выхода я не видела.

Зина: Раз он подослал своих «псов», значит, дело во мне. Опять. Я просто узнаю, что он хочет. Зачем тревожить вас, если я сама могу ответить на его вопросы?

В чате повисла тяжелая тишина. Наконец, ответили девочки.

Маша: Это... это опасно?

Лена: Не думаю. Послушайте, я тут проанализировала... Они беспредельщики, конечно, но не идиоты. Заметили? Никто из тех, над кем они издеваются, никогда не заявлял о физи-

ческой расправе. Они играют на нервах, доводят, выжигают изнутри, но черту не переходят. Им не нужны проблемы с полицией или вылет из универа — это слишком мелко для них.

Лена: Волкову нужен контроль, а не уголовка. Зин, он питается твоим страхом. Если ты выйдешь к нему сама, без дрожи в коленках, ты сломаешь ему всю схему. Он ждет, что ты будешь прятаться, а ты придешь и спросишь в лоб. Думаю, это может заставить его притормозить.

Я перечитала сообщение Лены несколько раз. Она была права, но от этого не становилось легче. В университете все знали: Волков и его компания — это ходячая головная боль, мастера психологического террора, но они никогда не «грязнили» руки в обычном понимании. Они ломали не кости, а волю — аккуратно, методично, не оставляя синяков, которые можно было бы показать врачу или декану.

Но достаточно ли этого «предела», чтобы я завтра выжила? Не в смысле физической сохранности. Я боялась другого: не станет ли этот разговор той самой гранью, после которой я уже не смогу оправиться? Не выжжет ли он во мне всё живое своим ледяным интересом?

Лена советовала идти в лоб, но я чувствовала: для такого охотника, как Ярослав, моя попытка объясниться может стать просто еще одним забавным эпизодом. Я боялась, что, попытавшись дать отпор, я только сильнее затяну петлю на своей шее. Что, если, открыв рот, я окончательно сдам ему все свои пароли?

В университет я шла как на каторгу. Каждое дерево, каждый пролет лестницы казались декорациями к финалу моего спокойствия. На первой же перемене, пока пульс молотил в ушах так, что темнело в глазах, я решительно двинулась на поиски.

Я нашла его этажом выше. Волков стоял у окна, расслабленно прислонившись к стене. Он не был один. Его рука по-хозяйски покоилась на талии эффектной блондинки, которая что-то ворковала ему на ухо, буквально влипая в него всем телом.

Я на секунду замерла. Колени дрожали так, что подол юбки едва заметно подрагивал. Я вспомнила нашу встречу — ту самую, в коридоре, где он коснулся моей щеки и оставил меня стоять соляным столбом под гогот своих друзей. Тогда я проиграла всухую. Сейчас цена была выше — мои друзья.

Я сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони до боли, и шагнула из тени колонны.

— Ярослав, — мой голос сорвался, но я прокашлялась и повторила жестче: — Мы можем поговорить?

Блондинка смерила меня презрительным взглядом, будто я была дешевой подделкой в ее идеальном мире. Волков даже не шелохнулся. Он лениво прищурился, глядя на меня сверху вниз, как на досадную помеху, нарушившую его отдых.

— О чем? — его голос прозвучал низко и абсолютно равнодушно. — Говори тут.

— Это... личное, — я не отступила, хотя внутри всё скручивалось в тугий узел.

Он коротко, насмешливо хмыкнул. Демонстративно небрежно чмокнул блондинку в щеку и бросил ей:

— Позвоню.

Девушка раздраженно фыркнула, но спорить не посмела, в этой иерархии голос Волкова был законом. Она прошла мимо, обдав меня приторным запахом духов, и через секунду мы остались одни.

Ярослав уставился на меня. Его глаза, темные и непроницаемые, изучали мое лицо, словно он взвешивал: стоит ли вообще тратить на этот «объект» свое время.

— Ну? — поторопил он, скрестив руки на груди.

— Спрашивай, — выпалила я, глядя прямо в этот серо-зелёный лед его глаз.

Он приподнял бровь, и на его губах заиграла та самая опасная, ленивая улыбка, от которой у меня по хребту ополз колючий иней.

— Не понял. О чем ты, Мурашка?

— Ты подослал своих друзей к Лене и Маше, — я сделала шаг вперед, сама сокращая дистанцию, хотя всё тело кричало «беги». — Для чего? Что ты хотел узнать через них? Спрашивай у меня. Прямо. Не трогай их, если у тебя есть вопросы ко мне.

Ярослав молчал. Секунду. Две. Я видела, как в его взгляде насмешливая скука мгновенно сменилась острым, хищным интересом. Он медленно оттолкнулся от стены и пошел на меня, вторгаясь в мое пространство. Воздух вокруг стал плотным, пропитанным его запахом: горьким табаком, кожей и металлом.

— Значит, решила поиграть в героиню? — прошептал он, склоняясь так близко, что его дыхание коснулось моих губ.

— Хочешь, чтобы я полностью переключился с них на тебя?

Он заложил руки в карманы, но его присутствие ощущалось как физическое давление.

— Ты уверена, что выдержишь такое внимание, Зина? В прошлый раз ты сбежала, сверкая пятками, как только я коснулся твоей кожи. А теперь ты сама пришла просить добавки?

Он усмехнулся, и в этой усмешке не было ни капли тепла.

— Ты ведь понимаешь, что если я начну спрашивать напрямую... тебе не понравится ни один мой вопрос и ни одно мое действие.

Ярослав.

Нормальный такой поворот. Сама пришла. Моя храбрая маленькая Мурашка решила, что выросла до того, чтобы тереть со мной на равных? Это было даже красиво: глаза горят, спину выпрямила, хотя я видел, как пальцы колотит. Типичная критическая перегрузка системы, еще чуть-чуть и задымится.

— Значит, хочешь быть в центре внимания? — мой голос прозвучал ниже, чем я планировал. — Хочешь, чтобы я переключился с них на тебя? Ты уверена, что выдержишь такое внимание, Зина?

Она сглотнула. Я видел, как дернулась пульсирующая жилка на шее — мой личный датчик её страха. Захотелось впиться в неё губами прямо там, чтобы прочувствовать этот бешеный ритм.

— Спрашивай, — выдавила она. Голос сорвался, но подбородок задрала. Упрямая, прямо мазохистка.

Хватит игр. Я больше не собирался ходить вокруг да около. Рванул вперед быстрее, чем её мозг успел сообразить, что надо делать ноги. Сгрёб её за талию, фиксируя добычу. Одним резким движением поднял и усадил на высокий подоконник. Секунда, и я уже вклинился между её коленей, перекрывая все выходы. Ладони вросли в пластик по бокам от её бедер.

Она даже пикнуть не успела, как оказалась в капкане. Глаза по полтиннику, дыхание рваное, загнанное. Кайф.

— Я узнал всё, что хотел, — склонился к её лицу, впитывая запах цветов и паники. Этот коктейль заставлял кровь пульсировать в висках.

— Тогда... я пойду, — выдавила она, но вся её решимость осыпалась пеплом.

Я усмехнулся, глядя, как она вжимается в оконную раму.

— Хрен там, — отрезал я. — Сегодня ты еще не дрожала по-настоящему. Разве я могу отпустить свою Мурашку без порции качественного адреналина?

Подался ещё ближе. Наши дыхания смешались в один тяжелый поток. Мои пальцы медленно очертили контур её челюсти и спустились к шее. Кожа моментально отозвалась россыпью мурашек, обожаю этих маленьких «предателей». Она вздрогнула, зажмурилась, но не оттолкнула. Этот безмолвный отклик её тела был для меня чистейшим дофамином.

— Дима, — произнес я, ловя каждое движение её век. — Красивое имя. Такое... домашнее, безопасное.

Она открыла глаза. В них плескался чистый шок. Она не ждала, что я взломаю её тайник так быстро.

— Откуда ты... — её голос сорвался на шепот.

— Я просто умею слушать, Зина. А твой мир — это шумный улей. Стоит только зайти на нужную частоту.

Я насмешливо изучал её лицо.

— Два года, Мурашка. Вы терлись на одних улицах, за ручки держались... И чё, он вообще ничего не сделал? — я слегка склонил голову. — У него были все ночи мира, чтобы доказать, что он мужик. А он что? Берег тебя? Или просто не смог завести этот мотор?

— С чего ты решил, что... у нас ничего не было? — она произнесла это с таким трудом, будто выплевывала осколки стекла.

Её лицо вспыхнуло таким пунцовым, что я чуть не заржал. Пытается строить из себя «женщину с прошлым», а глаза кричат, что она ни черта не знает. Она была чиста. И это осознание ударило по мне как разряд тока. Непаханое поле. И я уже точно знал, чей флаг здесь будет стоять.

— Оу... я ошибся? — протянул это нарочито небрежно, наблюдая за ней, как удав за кроликом.

— Ошибся, — выпалила она, но голос превратился в едва слышный всхлип.

— Значит, я могу перестать осторожничать? — я сократил дистанцию до нуля. Губы почти касались её кожи. — Значит, мне не нужно бояться тебя сломать, раз ты у нас такая «опытная»?

Она начала заикаться, окончательно теряя нить. Я перехватил её подбородок, заставляя смотреть мне в зрачки. Её тянуло ко мне, я видел это по тому, как она невольно подалась навстречу. Моя наглость стала её единственной реальностью.

— Поцелуй меня, Мурашка... — выдохнул я как приказ. — Докажи, что ты взрослая. Что Дима научил тебя хоть чему-то, кроме как краснеть от каждого слова.

Глава 10.

Зина.

Боже, я знала, что он психологический террорист, но чтобы так... интимно? Что это вообще за разговор такой? Какое ему дело до моей личной жизни, до моих отношений, до того, что было и чего не было? Ярослав буквально выворачивал меня наизнанку, не касаясь рук, касаясь самой души, моих самых тайных страхов и постыдных ожиданий.

Я смотрела в его холодные глаза, утягивающие меня в омут чего-то по-настоящему страшного. Страшно сладкого, мучительно притягательного.

Мир вокруг перестал существовать. Исчез гул коридоров, шум перемены, даже тот панический страх, который гнал меня сюда, трансформировался во что-то иное. Осталось только его лицо, его дыхание с привкусом терпкого табака и этот бархатный, властный голос, от которого вибрировал воздух.

— Поцелуй меня, Мурашка...

Эти слова донеслись до сознания, как сквозь толщу воды. Сердце колотилось так яростно, что, казалось, оно выломает ребра и сбежит, лишь бы не чувствовать того, что творится внутри. В голове — звенящая пустота и этот навязчивый, гипнотический приказ.

Я неосознанно разорвала зрительный контакт. Взгляд предательски опустился на его губы. Уверенные, четкие, готовые смять мою волю одним движением. Я чувствовала себя маленьким зверьком, который понял: убежать не получится. И теперь я замороженно смотрела в пасть хищника. Вся моя «правильная» жизнь, все наставления родителей, Дима, традиции: всё это сейчас казалось декорациями из чужого, скучного кино.

Пальцы, которыми я вцепилась в подоконник, ослабли. Я хотела возмутиться, ударить его, закричать, но вместо этого лишь судорожно вдохнула. И этот вдох прозвучал как беззвучная мольба.

— Я не... — прошептала я, но звук застрял в горле.

Я была в ловушке. Он ждал. Он смотрел на меня так, будто заранее знал мой следующий шаг. И в этот момент я поняла самое страшное: я не просто боялась его. Мой страх странным образом переплавился в нечто острое, постыдное и неодолимое. Я до безумия, до одури хотела узнать, каков этот монстр на вкус. Хотела почувствовать, насколько реальна его наглость.

Это предательство собственного тела пугало меня больше, чем сам Волков. Я стояла на краю обрыва и вместо того, чтобы отпрянуть, отчаянно желала сорваться вниз, добровольно отдавая ему свою волю.

Вместо того чтобы сократить расстояние, он сделал нечто худшее. Он склонился к моему уху. Его голос прошелся по коже электрическим током, лишая остатков воли.

— Ну так что, Мур? — прошептал он, и каждое слово оседало тяжелым жаром внутри. — Ты хоть целовалась когда-нибудь по-настоящему? Или твои «два года» ограничивались только переплетенными пальцами?

Меня бросило в краску. Этот тон... насмешливый, знающий. Он видел меня насквозь, до самого донышка моей неопытности. Губы, пересохшие от возбуждения, непроизвольно дернулись. Я облизнулась, чувствуя вкус собственного волнения, и этот жест не укрывлся от его взгляда.

Я медленно подняла глаза. В его зрачках горело ожидание.

— Это... — я запнулась. — Это не твое дело.

— Ошибаешься, — он усмехнулся. Его рука, до этого лежавшая на пластике подоконника, скользнула к моей талии, рывком притягивая меня к его твердому, горячему телу. — С этой минуты всё, что касается тебя, моё дело.

Я чувствовала жар, исходящий от него. Его уверенность давила, не оставляя пространства для маневра. Он не спрашивал, он утверждал право собственности. И я понимала: он не отступит, пока не выпьет меня до капли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.